

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ МУЖЧИНЫ В ЯЗЫКАХ АНАЛИТИЧЕСКОГО
СТРОЯ**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по специальности подготовки
45.05.01 Перевод и переводоведение
очной формы обучения, группы 04001317
Алексеевой Лидии Геннадьевны

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации
Куприева И.А.

Рецензент
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
ТГПУ имени Л.Н. Толстого
Игнатова И.В.

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Теоретические исследования статуса мужчины в языке	9
1.1. Неязыковые принципы изучения статуса мужчины	9
1.2. Генезис исследования статуса мужчины в трудах отечественных и зарубежных ученых	13
1.3. Понятие гендера и пола	22
Выводы по главе I	31
Глава II. Объективация лингвокультурологических гендерных особенностей	35
2.1. Образ мужчины в литературе	35
2.2. Образ мужчины на политической арене	44
2.3. Тематические группы маскулинности	52
Выводы по главе II	63
Заключение	67
Список использованной литературы.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Гендерная лингвистика относится к числу самых популярных направлений современности. Глобальный интерес к данной науке возник при изучении новых закономерностей в теории и практике гендера. Самая значимая причина – это умение гендера управлять представителями слабого и сильного пола на микро- и макросоциальном уровне. На макросоциальном уровне он иерархически строит социальную систему, измеряет базовую структуру общества совместно с возрастными и психологическими показателями (Здравомыслова, Темкина, 1997). Кроме того, гендер обладает способностью классового распределения индивидов, получается, что данное явление выступает как фактор социального неравенства в зависимости от пола человека.

Индивид не задумывается над тем, что зачастую причина проблем его профессиональной и социальной реализации кроется в гендерной принадлежности. В этом заключается одна из серьезнейших проблем современности. Можно сказать, что стереотипы в нас заложены на микросоциальном уровне, учитывая факт, что они укореняются в сознании человека еще с раннего детства. Данные стереотипы передаются из поколения в поколение и действуют на постоянной основе. Согласно Н.П. Дубинину, в природу человека заложены две программы наследственности – биологическая и социальная. Вторая программа наследования не отражена в генах, но выступает как внутренний фактор развития личности. Следовательно, существующая гендерная культура способствует восприятию созданных на основе гендерных представлений норм и правил взаимных отношений между полами как естественных (Дубинин, 1971).

Можно сказать, основываясь на указанных закономерностях, что гендерные стереотипы посредством укоренившихся норм и культуры управляют людьми. На основе приобретенных человеком гендерных представлений и гендерных стереотипов, они выстраивают систему своих

взаимоотношений с окружающим миром. Через взаимодействия данные стереотипы получают подтверждение принятым в культуре правилам и нормам, касающихся специфически ценностного характера взаимодействий между представителями разных полов. В итоге стереотипы и представления не только становятся сильнее, но и выступают как ориентиры сила в его взаимодействии с другими индивидами. Суть заключается в том, что гендер имплицитно указывает на показатели, какими должны быть мужчины и женщины как представители гендерных групп, пола: в каких сферах реализовывать свой потенциал, какой деятельностью заниматься, какими чертами характера обладать.

В 70-хх гг. XX века появилось такое понятие как «кризис маскулинности». В понятие «маскулинность» входят поведенческие и психологические особенности мужчины. Представители сильного пола перешли к переосмыслению своей роли после длящейся многие десятилетия, и даже века, борьбы женщин за право быть равнозначным субъектом в политической, экономической и других сферах общественной жизни. Можно сказать, что мужчины постепенно начали осознавать, что изменившиеся социальные условия и их действительные потребности входят в противоречие с традиционной моделью маскулинности. Следовательно, «быть настоящим мужчиной» – в настоящее время, это одна из самых сложных и запутанных задач, однако ставится она перед каждым субъектом мужского пола практически с детства и от ее решения зависят и успешная самореализация, и личное счастье человека, а, в конечном итоге, и здоровье нашего общества (Хитрук, 2013).

Данная проблема стала объектом научных исследований недавно, и здесь прослеживаются разные методологические подходы, которые, безусловно, оказывают существенное влияние на формирование целостной и завершенной современной парадигмы «маскулинности».

Некоторые исследователи видят проблему в отсталости мужчин во временных рамках как гендерного класса или социальной группы. Их

представления о настоящем облике мужчины не соответствуют тем стереотипам, которые укоренились в тот или иной промежуток времени. В результате, приходится пересматривать свои действия, стиль поведения и даже, в каком-то смысле, отношение к сложившемуся стереотипу.

Другие авторы, наоборот, призывают мужскую половину человечества вернуть привычную и, главное, естественную форму поведения, забыв про сложившиеся стереотипы.

Данные споры по своей сути не новы, так как представители сильного пола являлись господствующей силой общества, по крайней мере, в его публичной сфере, нормативные нормы маскулинности и образ «истинного мужчины», как и все другие фундаментальные ценности «настоящая дружба», «вечная любовь», «искренняя радость» и т.п., всегда идеализировались и проецировались в прошлое.

Количество выпускаемых книг, посвященных мужским проблемам, до середины 80-х годов XX века можно было пересчитать по пальцам. Выпускались только публикации медикобиологического характера. Позже стали появляться издания, охватывающие новые темы и отрасли знания. В свет вышло огромное количество серийных публикаций, а некоторые хрестоматии стали бестселлерами. К примеру, книги Майкла Киммеля и Майкла Месснера «мужские жизни» с 1989 по 1998 гг. переиздавалась массовым тиражом четыре раза. Наиболее полная библиография литературы о мужчинах и маскулинности, составленная и регулярно переиздающаяся Майклом Футом (Австралия) состоит из 50 разделов и насчитывает больше 3000 названий.

Небывалую популярность приобрели журналы для мужчин. В них описывалась масса новой интересной информации о разных сторонах и аспектах мужского бытия. Тем не менее, соотношение понятий «мужская жизнь» и «маскулинность» остается спорным. К «мужским исследованиям» обычно относят предметную область знания, которая охватывает все то, что касается мужчин, включая биологию мужского тела и т.п. Это мужской

аналог феминологии можно было бы назвать социальной андрологией. Маскулинность же чаще понимается как особая общественная идентичность, существующая исключительно в определенных группах общества и изменяющаяся вместе с ним.

Стереотип маскулинности проявляется разными способами в сфере занятости, в творческой, научной, политической, экономической деятельности. Эти способы и влияют на восприятие «мужского». Наше исследование посвящено изучению лингвокультурологических аспектов, а именно, как возникли данные стереотипы, какие предпосылки и последствия они имели, какие из них остались и по сей день. На основе материалов современных СМИ, художественной литературы и выступлений известных политических деятелей мы выявили основные лексические и синтаксические показатели проявления социального неравенства через гендер.

Объект исследования – маскулинность как комплекс психических, поведенческих и лингвистических особенностей в странах с аналитическим строем языка.

Предмет исследования – лексические и синтаксические приемы и способы изображения статуса мужчины в английском, испанском и других языках аналитического строя.

Цель работы – дать подробную характеристику лексическим и синтаксическим способам передачи языкового отношения к статусу мужчины.

Задачи:

- 1) Изучить гендерную лингвистику как науку
- 2) Исследовать лингвокультурологические аспекты маскулинности
- 3) Провести лингвистическое исследование на выявление типов маскулинности
- 4) Исследовать отношение социума к представителям мужского пола в литературе, политике и СМИ
- 5) Проследить, как статус мужчины отражает менталитет общества.

Актуальность работы заключается в том, что в настоящее время наблюдается явный перекоп в сторону фемининных исследований, наметившийся в трудах как зарубежных, так и отечественных ученых. Создается необходимость внести равновесие изучением маскулинной области. Концептуальная и теоретическая неопределенность общего понятия «мужественность», обычно распадающегося на множество разрозненных, нестыкующихся типов «типично мужского», требует дополнительного исследования.

Новизна работы: попытка обобщения, классификации и характеристики мужских гендерных номинаций, ярко представленных в литературе и СМИ, и объединенных общим семантическим признаком (обозначающих виды маскулинности), выявление отношения общества к данным видам.

В работе использовались следующие **методы исследования**: метод контекстуального анализа, описательно-аналитический метод, системно-функциональный анализ языковых единиц.

Материалом для данной работы послужили научные работы Кирилиной А.В., Нурсеитовой Х.Х., статьи из современных англо- и испаноязычных журналов, художественная литература Англии, Испании и Нидерландов.

Теоретическую и методологическую базу данного исследования составили труды следующих отечественных и зарубежных лингвистов: Здравомыслова Е.А., Ильиных С.А., Лакер Т., Кирилина А.В., Щербакова О.А., Цыбикова С.Ц., Трофимова Е. И., Карасик В.И., Лакофф Р.

Настоящая выпускная квалификационная работа прошла **апробацию** на студенческой конференции, посвященной Неделе науки НИУ «БелГУ» 18 апреля 2018 года, и была опубликована в сборнике научных студенческих работ.

Структура работы определена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, формируются цели, задачи и методы исследования, а так же предоставляются теоретические и методологические базы.

В **Главе 1** описывается природа маскулинности, раскрывается понятие «гендер», его классификация и языковые средства создания стереотипа маскулинности.

В **Главе 2** приводится характеристика практического материала исследования, рассматривается гендерный аспект в англоязычных, испаноязычных и нидерландоязычных журналах, книгах и телепередачах, описываются языковые средства выражения маскулинности в языках, производится сравнительный анализ данных средств.

В **Заключении** выпускной квалифицированной работы обобщены результаты проведенного теоретического и практического исследования, сформулированы основные выводы.

Глава I. Теоретические исследования статуса мужчины в языке

1.1. Неязыковые принципы изучения статуса мужчины

Ранее роль мужчины была несколько иной, нежели в настоящее время. Связано это было с более развитыми физическими возможностями, потому что мужчина воспринимался как «воин», «завоеватель» и «охотник». Во все времена эволюции гендера мужчина стоял на ступеньку выше от женщины. Именно сильный пол занимал руководящие должности и решал вопросы государственной важности. Мужчины занимали почетные должности в правительстве, работали врачами, совершали открытия, а женщинам приходилось довольствоваться, как говорят в Германии, правилом трех «К»: «Kinder, Kuche, Kirche». Что в переводе означает «дети, кухня, церковь» (хотя и церковь раньше тоже всецело принадлежала мужчинам).

Большая часть историков считает, что во время палеолита особого преимущества мужчины перед женщинами не существовало. Физическая сила не являлась решающим фактором: многие женщины могли при желании охотиться. По найденным скелетам можно определить, что одни и те же части тела были одинаково развиты как у мужчин, так и у женщин, наблюдалась схожая мышечная активность при разных размерах и весе. К тому же женщины выполняли два главных условия выживания племени: рождение детей и постоянное обеспечение племени пищей — в отличие от охоты, в которой успех зависел от случая, собирательство было неизменным источником сил для всей общины. Не было нуклеарных или патриархальных семей. Семья состояла из кооперирующих родов, которые не конкурировали между собой и не боролись за ограниченные ресурсы. Ухудшение климата заставило людей заботиться о выживании: одомашнивание диких животных и земледелие.

Утверждение патриархата по некоторым подсчетам произошло в 4000 году до нашей эры. Нужда сбережения пищи и ужесточение отношений

между сообществами увеличили конкуренцию за еду и борьбу за выживание. Именно власть стала первопричиной неравенства.

Энгельс утверждает, что именно в это время произошло размытие границ между полами и появление так называемых гендерных ролей. Беременные и кормящие женщины не решались рисковать здоровьем еще не рожденных и малолетних детей во время охоты на диких животных и отдали этот приоритет мужчинам. Таким образом, поделились зоны влияния. Укрощение животных и насилие над природой сделало допустимым и насилие в кланах. Женщины могли являться субъектами власти, но в рамках брака или регентства при малолетнем наследнике ни в одной цивилизации мира престол не предоставлялся женщине целенаправленно.

В одной из своих работ историк и сексолог Томас Лакер возникновение первых империй относит к началу сравнения фемининности с недоразвитой маскулинностью. Он использует медицинские справочники и источники времен Реформации и эпохи Просвещения, в которых объясняется четкое верховенство мужчин исключительно по физиологическим признакам: до середины XVIII века женщины воспринимаются как слабая вариация мужчины (Лакер, 2003).

В Древней Греции женщины обладали небольшими политическими и гражданскими правами в отличие от мужчин и всегда подчинялись ближайшему родственнику мужского пола. В греческих полисах женщины не получали гражданство, то есть были наравне с рабами. Как правило, женщина была обязана почти все время находится дома и не получала даже минимального образования, в то время как мужчины посещали ежедневно занятия в гимназиях. Жене запрещалось при гостях сидеть за одним столом с мужем и переступать порог дома без сопровождения представителя мужского пола старше нее. Женщине нельзя было выносить из дома больше трех вещей и брать с собой еду или воду, вес которых превышает один обол (мера веса в Древней Греции). Муж мог развестись со своей женой без веской на то причины, однако жена могла потребовать развод только в

исключительных обстоятельствах. Древняя Греция известна своими театральными постановками и невероятными произведениями искусства в области скульптуры. Женщинам разрешалось посещать театры и мастерские скульпторов только несколько раз в году, а если они даже принимали участие в постановках, то только в трагедиях. Вплоть до III века греки отзывались о женщинах в уничижительной форме, зачастую делая акцент на отсутствии образования и мудрости. Древнегреческий философ Аристотель в своих трудах старался уделять женщинам равное количество внимания, как и к мужчинам. Однако в одной из его работ встречается фраза «...женщина - это изуродованный от природы мужчина». Изменилось и отношение к браку. Лишь после визита Александра Великого в Грецию женщину стали приравнивать к мужчине, но все же доля негативного отношения сохранилась надолго.

В Древнем Риме мужчина тоже занимал главенствующее положение в обществе. Он запросто мог убить жену за измену или развестись с ней из-за какого-либо проступка, вина за который не доказана. Употребление алкоголя мужчиной считалось привычным делом, однако, чрезмерное употребление алкоголя женщиной могло также послужить основанием развода. В отличие от Греции, в Древнем Риме женщина имела право на образование и независимость, но в таких случаях, как правило, они не были замужем. Борьба римских женщин за свои права началась в III веке до н.э. Женщины добивались не столько равенства в обществе, сколько равенства в семейной жизни. Полной свободой обладали представительницы высших слоев общества. Им разрешалось высказывать свое мнение, совершать некоторые поступки, которые обычные женщины совершить не могли, но, когда дело доходило до конструктивных действий, их свобода резко ограничивалась (Качан, 1988).

На Древнем Востоке статус мужчины был значительно выше женского. Муж мог запросто избить, остричь, прилюдно унижить жену и даже убить ее. Никто не мог привлечь его к ответственности. Женщина буквально

принадлежала родителям мужа, которые могли заставить ее выполнять любые поручения. Интересно, что после смерти родителей мужчина горевал и пытался публично наложить на себя руки, а после смерти жены всего лишь выражал сожаление. В Древней Индии девочки уже с детства готовились к храмовой проституции как поклонение богу Вишну. После смерти мужа жену сжигали заживо вместе с трупом в знак принадлежности женщин к своему господину - мужчине. Во многих народах сохранилось право первой брачной ночи, когда принять участие мог любой желающий представитель мужского пола. Даже в дагестанском народе существовал данный обычай до появления Ислама. Женщина рассматривалась как предмет, которым мужчина может распоряжаться по любому желанию.

В арабских странах появление на свет девочки воспринималось как горе, а после рождения мальчика устраивался пир. В некоторых странах новорожденных девочек даже закапывали живьем.

В Средние века женщина по сравнению с мужчиной имела ничтожные права. Подобное отношение строилось на религиозной почве. В Библии прописано, как любопытность Евы погубило ее и Адама, принесло столь ужасные последствия для человеческого рода. На основе этих текстов женщина воспринималась как олицетворение коварства, хитрости и слабости. Даже надпись «diabolus» читается как под фигурой беса, так и под фигурой женщины. На протяжении долгого времени средневековое духовенство задавалось вопросом «имеет ли женщина душу». Мужчина же был признан высшей формой живого существа, в то время как даже крещеная женщина не воспринималась как человек. Жена не обладала большим количеством прав, каким обладал ее муж. Помимо того, женщина не имела права наследовать имущество. Замужняя женщина не имела права на самостоятельное заключение договоров, на выступление в суде в свою защиту. Огромной популярностью пользуется теория, что за свои права женщины стали бороться после крестовых походов, когда оставались одни дома. Тем не менее, изучение юридических актов показывает, что, во всяком случае, в

вопросах управления совместным имуществом супружеской пары ситуация женщин ухудшалась с XII по XIII века. Типичны для той эпохи слова доминиканского монаха Николая Байарда, писавшего уже в конце XIII века: «Муж имеет право наказывать свою жену и бить ее для ее исправления, ибо она принадлежит к его домашнему имуществу». Но многие историки-медиевисты видят улучшение положения женщины в семье, т.к. укрепляются такие социальные и хозяйственных ячейки, как «дом», «деревня», «приход», «община», что привело к закреплению за женщиной ряда ключевых хозяйственных и культурных функций (Андреева, 2005).

Переход к городскому укладу жизни создает в Англии и Франции, а потом и в других странах институт брака, который буквально переводится как «укрытие» и вводит женщину в подчинение от своего отца до замужества и мужа — после.

Проблема гендера встречалась не только в католицизме и исламе, но и в других религиях. Например, в Бирме отношение к монахам более почтительное, нежели к монахиням. Мужчин обожествляют, в то время как к женщинам относятся менее благосклонно. По легенде создатель буддизма Гаутама выступал против просвещения женщин и их становления монахинями. Не зря буддистские монахи в своих молитвах благодарят судьбу за то, что не родились девочками.

В даосизме понятие маскулинность - фемининность можно наблюдать по взаимодополняющим началам Инь и Ян, в которых мужское представлено светлой, активной стороной, а женское - темной, пассивной.

В одном из главных канонических текстов джайнизма «Сутракританге» описана картина унижительной жизни мужчины, вступившего в брак. А Джайнский наставник Гунабхадра в популярном трактате «Атманушасана» утверждает: «Жена, к которой ты давно привязан, – дверь к миру страданий» (РАН. Ин-т востоковедения, 1996).

1.2. Генезис исследования статуса мужчины в трудах отечественных и зарубежных ученых

Взаимоотношения языка и гендера ранее в лингвистике не изучались, и исследования в данной области не проводились. Только в начале прошлого века связь языка и пола стала выделяться на фоне других дисциплин по двум причинам: во-первых, из-за глобального интереса известных лингвистов (О. Есперсен, Э. Сепир, Ф. Маутнер и др.) и из-за рассмотрения функциональности языка в общественной системе. Именно поэтому в языкознании возникли новые системы – прагматика, психолингвистика, социолингвистика, теория дискурса и коммуникации (Нурсеитова, 2008).

Считается, что О. Есперсен первый обратил внимание на разницу между мужскими и женскими переференциями в пользовании лексическими единицами в речи. Есперсен полагал, что в «мужской лексикон» входит большее количество ругательств, нежели эвфемизмов. Мужчины, по его мнению, менее консервативны в употреблении языка и быстрее усваивают новый язык, чем женщины. Однако эта точка зрения разделяется не всеми учеными.

На синтаксическом уровне женщины больше предпочитают эллипсы (намеренный пропуск слов) и паратаксис, а мужчины чаще употребляют периоды и гипотаксис. Есперсен, основываясь на данном предположении, делает выводы, что мужчины умственно превосходят женщин. Позже эта теория критиковалась многими лингвистами из-за недостаточного обоснования (Щербакова, 2013).

А. В. Кирилина подчеркивает идею «дефицитности» женского языка по сравнению с мужским. Далее была сформулирована оппозиция мужского языка как нормы и женского языка как отклонения от него.

В своей работе «Лингвистические аспекты» А.В. Кирилина производит системное осмысление и описание языка в связи с феноменом пола, создает теоретическую модель гендера и производит систематизацию

методологических подходов к исследованию проблемы гендера в языкознании.

А.В. Кирилина в одном из шести концептуальных и методологических направлений гендерологии, среди которых находятся социолингвистические гендерные исследования, феминистская лингвистика, языковое поведение обоих полов, психолингвистические исследования и кросскультурные исследования, отдельно выделяет исследования маскулинности.

Целью подобных исследований в языке является изучение речевого поведения полов, выделение и описание особенностей мужского и женского речевого рисунка. При этом исследования чаще всего проводятся или с позиций социокультурного детерминизма, или в рамках теории биодетерминизма (принципа рассмотрения явлений, согласно которому определяющими для характеристик человека считаются биологические природные факторы). Также следует особо подчеркнуть, что часто исследования маскулинности в лингвистике носят междисциплинарный и сопоставительный характер.

А.В. Кирилина отмечает, что гендерная проблематика в языкознании носит ярко выраженный прикладной характер, и именно в рамках данной исследовательской парадигмы было осуществлено наибольшее количество успешных попыток в рамках языкового планирования и реформирования языка.

Западно-европейская и российская философско-социологическая мысль обозначили четыре основных подхода в исследовании данного комплекса проблем, которые следует определить как консервативно-патриархатный, либеральный, феминистский и эгалитарный.

Огромный вклад в развитие гендерных исследований и социолингвистику внес В. Лабов. В результате количественных исследований были выявлены некоторые гендерные различия в мужском и женском варианте речи. По А. В. Кирилиной В. Лабов ставил не морфологию, а фонологию в центр исследования. Было установлено, что женщины более

склонны к использованию престижных разновидностей произношения. Данная склонность сближает их с речевым стилем среднего класса и отдаляет от стиля общения в рабочих кругах (Кирилина, 1999).

После 1917 года в России осуществлялась политика повышения социального статуса женщины, из-за чего интерес к гендерным исследованиям не был ярко выражен. Огромная волна феминизма захлестнула в это время Запад, в то время как в нашей стране он не достиг подобного размаха. Между тем, некоторые проблемы гендерной лингвистики все же рассматривались в рамках психолингвистических и социолингвистических исследований: работы Ю.Н. Караулова; Е.А. Земской; Е.И. Горошко. Было установлено, что для женщины более важны ее деловые качества, нежели черты связаны с ее отношением к мужчине. Мужчины наделяют их многими негативными характеристиками, женщины, наоборот, стремятся выразить положительную эмоциональную оценку. Также были установлены особые черты мужской и женской письменной речи. Мужчинам свойственно употребление большего количества абстрактных существительных, вводных слов со значением констатации, сочетание официальной и эмоционально маркированной лексики при обращении к близким, большое количество нецензурных слов. Для женщин же характерны употребления престижных, стилистически повышенных форм, большая образность при передаче чувств (Щербакова, 2013).

Робин Лакофф в 1975 году описал существование предполагаемых постоянных наборов признаков женской и мужской речи, которые в свою очередь назвал гендерлектом. Он утверждал, что гендерлект обладает константными признаками. Но в 90-е годы XX века, когда стало проводиться бесчисленное множество исследований, его теория была опровергнута. Лингвисты стали изучать речь женщин и мужчин в конкретном контексте.

В подходе "противоречий", который был разработан в 1970-х годах в качестве альтернативной основы для подхода Лакофф к «дефицитному» подходу, понятия мужчины и женщины должны быть отличными друг от

друга из-за периода социализации, который происходит в течение детства, и впоследствии данные категории остаются неизменными. Этот подход некоторое время был «вытеснен вопросом о разнообразии гендерной идентичности и гендерной практики». Дихотомическая точка зрения, которую Лакофф принимает в отношении пола, отражает фольклорные убеждения. Эти убеждения, по мнению многих мужчин и женщин, представляют собой «норму, которой они «должны» соответствовать». Как описано во многих подходах "противоречий" «Во-первых, мужчины более склонны прерывать речи своих собеседников. Во-вторых, они часто оспаривают высказывания партнеров. В-третьих, они способны игнорировать комментарии другого говорящего (Лакофф, 1973).

А.В. Кириллина в своих работах утверждает, что период изучения гендерологии и гендерных исследований постепенно завершается. Однако, данное мнение считается только отчасти верным. Д. Таннен же в своей книге утверждает, что исследования не имели сексистской направленности и не исходили от феминистской идеологии как в США и Западной Европе. А соотношение грамматического рода и экстралингвистической категории «пол» были изучены в рамках других дисциплин – морфологии, лексикологии, грамматики – задолго до формирования феминистской концепции языка и становления термина «гендер» на Западе (Таннен, 1996).

Известные российские и зарубежные философы и социологи разделились на четыре основных подхода в исследовании комплекса лингвокультурогических проблем:

1) консерваторы-антифеминисты (Ф. Ницше, П.Ж. Прудон, А. Шопенгауэр, О. Конт, Л.Н. Толстой и др.). Приверженцы данной группы трактовали процесс феминизации исключительно в негативном плане, объявляя любые попытки женщины стать на ступень выше в обществе как «промысел дьявола»;

2) сторонники либерального подхода (Г. Спенсер, М. Мишле, С. Шашков, Д. Милютин). Они считали, что для гармонизации необходимы

частичное расширение юридических прав и сферы профессиональной деятельности женщины. Однако, экономические, демографические, политические и духовные аспекты остались без внимания философов и социологов этой группы;

3) приверженцы социально-экономического (феминистского) подхода (К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Бебель и др.) превозносили социальную роль женщины над мужской;

4) представители эгалитарного подхода (Д.С. Милль, В.С. Соловьев, Н.А Бердяев) показали актуальность и значимость положения женщины в обществе в совокупности со статусом мужчины.

Еще до начала 1980 г. над остальными теориями преобладала теория роле-половой социализации, отраженная в работах Т. Парсонса, Р. Бейлса, М. Комаровски, согласно которой, пассивная личность усваивает гендерные роли (маскулинность и феминность) и подчиняется существующим нормам. Согласно данной теории, женщине отведены пассивные, а мужчине активные роли (Нурсеитова, 2008).

Гизела Кланн – немецкий лингвист, которая стала первой представительницей ученых в области гендерной лингвистики Германии. Ее исследования под названием «Стереотипное коммуникативное поведение женщин и мужчин» строилось на основе сравнения речевого поведения женщин и мужчин на основе семинаров. Ее исследования показали, что мужчины работали менее слаженно, а их комментарии были более прямыми и контрверсионными, чем женские. При этом женщины предпочитали давать слово мужчинам, дожидаясь, когда их спросят (Кланн, 2005).

Э. Гоффман рассматривает гендер в теории драматургического интеракционизма одновременно как источник и результат психологического, культурного и социального взаимодействия. Он ввел в науку понятие гендерного дисплея, объяснив механизм самого гендера. Модели поведения людей являются средством выражения половой принадлежности человека. Определенный тип гендерной культуры предполагает наличие стандартных

практик, однако, по мере глубокой демократизации общественных отношений стереотипы маскулинности и фемининности претерпевают изменения.

Гарольд Гарфинкель отделил биологический пол от социальной категоризации, о чем гласит его этнометодологическая концепция. Главным аспектом выступал признак пола, который может совпадать или не совпадать с данной категоризацией. Ученый отмечал, что процесс идентификации и приписывание пола является важным условием продуктивного общения и взаимодействия людей.

П. Бергер и Т. Лукман (80-е г.) создали теорию социального конструирования гендера. Они рассмотрели гендер как мир взаимодействия «мужского» и «женского», объясняя механизмы формирования, воспроизводства и ретрансляции определенных типов сознания, поведения, социальных отношений.

О.Л. Каменская предлагает разграничить гендерные исследования на две группы: на гендерную лингвистику и лингвистическую гендерологию. Первая категория представляет собой язык и речевое поведение с применением гендерных методов, а вторая – изучение категории гендера с применением лингвистического инструментария (Будько, 2017).

В своем последнем исследовании С.Ф. Кислинг обсуждает культурные дискурсы, которые относятся к «самым ранним», т.е. «базовым», даже называемыми им «истинными». Эти культурные дискурсы маскулинности отражают то, каким образом общество воспринимает мужчин, их действия, речь и чувства в группах, связанных общей целью (работа, кружок интересов, студенческое общество). На исследованиях С.Ф. Кислинга основываются изучения мужского поведения и языка в компании С. Джонсон и Ю.Х. Мейнхоф. В их работе описывается сходство культурных дискурсов Северной Америки, изложенные С.Ф. Кислингом, и дискурсов Британской культуры. Гендерная разница, по их словам, это дискурс, который рассматривает мужчин и женщин как естественную и абсолютно

противоположную друг другу биологическую и поведенческую составляющую. Доминирование-это отождествление мужественности; быть мужчиной - значит, быть сильным, авторитетным и контролирующим ситуацию, особенно по отношению к женщинам, а также по отношению к другим мужчинам (Kiesling, 2997).

Английский философ Джон Лэнгшоу Остин открыл интересное свойство некоторых английских выражений. Он заметил, что существуют такие языковые выражения, которые не описывают действительность, а сами по себе являются действиями. Эти выражения были названы перформативными (Остин, 1986).

Одно из исследований имеет отношение к языковой и гендерной проблематике, поскольку оно является весьма наглядным примером гендерной перформативности. Работы Джудит Батлер по гендерной перформативности ознаменовали собой отход от идеи, что пол был чем-то приобретен посредством социализации на раннем этапе жизни. Позднее в постмодернистском мире утверждается: «Гендер – это постоянное свершенное, вызванное вашими повторными действиями». В дальнейшем лингвист Марио Карт будет утверждать, что это деятельность, которая обеспечивает платформу для гомосоциальной связи. В данной связи участники выполняют аспект, соответствующий своему полу, а именно аспект, который они ожидают увидеть от близких друзей-мужчин. Автомобиль, как вещь, воспринимается характерной для исключительно мужской среды, так же как скороварки – для женщин. Такая среда отлично поддается анализу речевого поведения (Kart, 2008).

Р. Коннелл в своей работе, в которой рассматриваются модели мужественности, отмечает, что маскулинность не является когерентным объектом социального познания, и поэтому она должна рассматриваться как компонент общей структуры гендерных отношений. Автор предлагает рассмотреть основные теоретические подходы изучения маскулинности как тип гендерного анализа, уделяет особое внимание рассмотрению физиологии

мужчин и телесных практик как продуктов социокультурного процесса. Он рассказывает о четырех основных способах рассмотрения маскулинности: позитивистский, эссенциалистский, семиотический, нормативный. Основываясь на конструктивистских позициях, Коннелл предлагает категорию «мужественность» как конфигурацию гендерных практик повседневной жизни, для чего и вводит понятие культурной репрезентации маскулинности. Автор уверен, что в силу многозначности и изменчивости мужественности и женственности, возможна манипуляция этими понятиями. Их отдельные составляющие могут в определенные периоды подчеркиваться в СМИ и иных видах социального дискурса. Мужественность и женственность являются многомерным конструктом, состоящим из достаточно большого числа бинарных оппозиций, что создает возможность манипуляции ими. Автор описывает четыре типа отношений среди разных типов маскулинности: соучастие, субординация, гегемония, маргинализация. В своей работе Коннелл критически пересмотрел подход к гегемонной маскулинности в качестве стратегии и предложил определять эту категорию как воплощение конвенционального ответа на проблему легитимности патриархата, гарантирующего мужчинам обладание позицией доминирования, а женщинам – подчиненное положение. Коннелл описал ряд существенных особенностей этого типа мужественности. Во-первых, идея гегемонной маскулинности осуществима только при соответствии культурных идеалов институциональной власти над коллективным, а не на индивидуальном уровне. Во-вторых, в своем подходе к изучению мужественности он подчеркнул исторически обусловленный характер гегемонии, а именно в случае изменения структурных условий общества, разрушений оснований господства доминирующей группы другие группы мужчин могут отвергнуть старую форму гегемонии и создать новую. В-третьих, видимыми представителями доминантного типа мужественности могут являться мужчины, обладающие не только реальной (экономической, политической), но также и символической властью, например, актер кино,

ведущие теле- и радиопрограмм, музыканты, спортсмены, персонажи литературных произведений и т.д (Коннел, 2015).

1.3. Понятие гендера и пола

Взаимосвязь пола и языка впервые возникла в античное время при осмыслении категории грамматического рода. Символико-семантическая гипотеза о причине возникновения и употребления категорий рода была в то время единственной гипотезой. Она базировалась на соотнесении природной биологической категории *sexus* с грамматической категорией *genus*. Приверженцы символико-семантической гипотезы полагали, что грамматический род появился в ходе влияния природной данности – существования разного биологического пола. Тем не менее, теории обусловленности категории рода биологической реальностью в ряде моментов не совпадали, единым было мнение о неопровержимой связи биологического пола и грамматического рода. Теория базировалась на двух особенностях мифологического мышления — анимизме и антропоморфизме. Представителями символико-семантической теории были ученые, оказавшие огромное влияние на лингвистику (Гримм, Гердер, В. Гумбольдт и др.), что обусловило ее длительное превосходство в лингвистическом описании.

Новая наука потребовала и создание новой терминологии, более точно соответствующей методологическим установкам ученых, что и стало причиной введения в лингвистику термина «гендер». Понятие «гендер» вошло в лингвистическую науку во второй половине XX века.

Возникновение термина «гендер» указывает на последующий этап в изучении полоролевых стереотипов (одинаково как у женщин, так и у мужчин). С английского языка слово «gender» переводится как «пол», хотя вернее – «род», точнее - грамматическая категория рода. Слово «sex», также обозначает «пол», коннотируется в человеческом сознании однозначно, только как интимная связь. Для того чтобы убрать устоявшиеся ассоциации

при использовании данного слова, научное сообщество в конце 1960-х – начале 1970-х годов вводит в лингвистический дискурс слово «гендер».

Первые исследования в данной области начали проводиться на Западе на основе романо-германских языков. В России же гендерная лингвистика возникла в конце 80х годов XX века из-за влияния постмодернистской философии. Отечественная лингвистика, однако, рассматривало влияние пола на язык еще до появления термина «гендер» в рамках других научных дисциплин: проводился ряд психолингвистических и социолингвистических исследований, изучались наименования лиц мужского и женского рода. Эти исследования не были продолжительными; их едва ли можно было отнести к какому-либо направлению, и они не были связаны с теорией социального конструктивизма, но российские ученые внесли лепту в разработку теорий, позднее названные гендерными исследованиями. Возникновение данной отрасли науки было обусловлено экстралингвистическими и интралингвистическими причинами: возникновение наряду с гендерной лингвистикой других направлений, таких как количественная лингвистика, психолингвистика, социолингвистика и т.д.; выдвижение биосоциальных характеристик человека на первый план; смена парадигм в науке (переход от структурализма к прагматике) и появление собственно методологической и научной базы для развития гендерных исследований в социальных науках (Цыбикова, 2008).

Главной чертой отечественных исследований является неярко выраженное допущение социальной связи многих явлений, в том числе пола и языка, что, по всей вероятности, связано с господством в тот период марксистской теории.

Лингвистическая гендерология занимается изучением гендерной асимметрии в языке посредством исследования языковых единиц и коммуникативного поведения мужчин и женщин. Гендерная асимметрия (языковой сексизм) понимается как ориентация языка на мужскую картину мира. Современная гендерология не ставит перед собой задачи оспорить сам

факт различия мужчин от женщин. Для данной науки скорее важна их социокультурная оценка и интерпретация.

В 1994 г. был образован Международный исследовательский центр «Человек: язык, культура, познание», напечатавший два сборника по гендерной тематике. В них раскрыт психолингвистический подход к проблеме. Такая установка возвышает над остальными теориями асимметрию мозговых полушарий у мужчин и женщин и связанные с ней различия в речемыслительной деятельности (Кириллина, 2005).

Возникновение символично-семантической концепции категории рода (genus) оказывает большое влияние на начало гендерных исследований, которые зародились еще в античное время, когда люди стали рассматривать ее в тесной связи с непосредственной реальностью: наличием разных полов. Эта гипотеза была выдвинута такими учеными, как М. Гердер, Я. Гримм, В. Гумбольдт и др. Данная гипотеза вскоре была опровергнута по причине существования языков, в которых отсутствует категория рода. Однако, признание того, что категория рода сама способна повлиять на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий осталось неизменным.

Зачастую слово «дискурс» используется как синоним слова речь, а именно, отличительного способа или приемов организации речевой деятельности. Но этот термин, применявшийся раньше в гуманитарных науках, в частности в логике, философы-структуралисты стали воспринимать немного шире, ввиду того что он высказывает и объясняет высказанное не только лингвистическими или логическими, но и социальными средствами внутри определенного социокультурного пространства, а именно, принятыми в данном социуме правилами предопределения речи. Помимо того, дискурс, как считает Ж. Лакан, – не только способ общения, но и средство формирования мышления, включая гендерную стереотипность. Например, при помощи гендерного дискурса, были разграничены такие термины, как «патриархальный» и «патриархатный». В гендерной теории и критике используется второй термин (который верен грамматически), и это имеет

свое подтверждение. Патриархальный – связанный со стариной, верный традициям, обычаям; патриархат – строй, характеризующийся отцовским родом, в котором мужчина занимает господствующее положение. Ясно, что дискурс гендерной группы отдает предпочтение слову «патриархатный», подразумевая идущий из исторической перспективы принцип архаичной организации общества, с зафиксированным в нем неравенством и жесткой регламентацией полоролевых отношений.

Гендерные исследователи и практики сделали заключение о необходимости введения еще одного значительного термина. Маскулинный (лат. *masculinus* – мужской) - определение, подчеркивающее иерархический, с главенствующим мужским положением, принцип организации общества. Это понятие, хотя и имеет связь с «патриархатным», но не обладает его историческим фоном. Нередко встречается и слово манизм (исп. *macho* – самец). В современном дискурсе оно означает не только половую принадлежность, но также артикулирует все дополнительные определения, корреспондирующие с ним и считающиеся мужскими: мощь, агрессивность, жесткость, наступательность (Трофимова, 2002).

Перед переходом к системному обоснованию специальной методологии, необходимо рассмотреть основные гендерные доктрины и уяснить идеи, отражающие суть социального бытия мужчины и женщины. Данные концепции могут рассматриваться как фундамент для последующего возведения «гендерного знания»:

1) консервативно-патриархатный подход лежит в основе биологической концепции. Его сторонники абсолютизируют факт биологического отличия мужчин от женщин и устанавливают линейную причинно-следственную связь между анатомическими особенностями мужского организма и социальной «первичностью» и превосходством мужчины;

2) биологический подход не так сильно распространен, как тесно связанный с ним социобиологический. Приверженцы социальной биологии

категорично утверждали в 70-80е годы, что основой социальной организации выступает роль женщины как матери и «хранительницы домашнего очага»;

Исследователи были вынуждены переходить от частных к общим теориям. Данная потребность в синтезе была вызвана стремительным накоплением и развитием гендерных знаний и других концепций (Нурсеитова, 2008).

Важнейшей предпосылкой развития гендерологии как науки является феминистская эпистемология (теория познания). Познание осуществляется в рамках нескольких моделей: позиционизма, феминистского эмпиризма, социального конструктивизма и постмодернизма.

Сторонники эмпиризма стремятся расширить границы гендерных исследований через изучение опыта женской депривации, и стремления достичь более высокого призвания в обществе.

«Позиционисты» солидарны с эмпириками о том, что «женский угол зрения» необходим современной науке.

«Постмодернисты» уверены, что феминистские взгляды о маскулинности – это лишь альтернативный взгляд на систему социального расслоения. Изменение патриархального порядка они считают по сути невозможным.

«Конструктивисты» не согласны с тремя вышеописанными подходами, утверждая, что социальный мир сконструирован. Их теория основывается на «женском опыте».

В гендерных исследованиях сформировались две концептуальные теории: теория социокультурного детерминизма (акцидентализма) и теория биодетерминизма (эссенциализма). Приверженцы первой теории заостряют внимание на различиях в поведении женщин и мужчин, в особенности коммуникативном, изучая психофизиологические различия, сопоставляют их с различием в речевых процессах и обозначают гендерные различия половыми различиями. Сторонники второй теории выражают несогласие с

тем, что различия между представителями двух гендерных групп существуют как в физиологическом, так и в социальном плане.

Оппозиция мужского и женского может рассматриваться как культурный концепт, так как она во многом обусловлена культурной традицией, и может изучаться с помощью антропоориентированного подхода в языке.

Концепт может быть определен как «многомерное культурно значимое социопсихическое образование, принадлежащее коллективному и индивидуальному сознанию и находящее свою актуализацию в языковой форме. Для апелляции к концепту используются лексемы, фразеологизмы, свободные словосочетания, предложения и тексты» (Карасик, Слышкин 2001).

Упоминая о метафорическом употреблении лексем как о способе выхода в гендерный концепт, можно говорить о понятии «гендерная метафора». Гендерная метафора обозначает не только перенос физических, но и всех духовных качеств, которые являются типичным проявлением «мужественности» и «женственности», на предметы, непосредственно не связанные с полом. Примером может послужить присутствие бинарных оппозиций в любой мифологической картине мира: «сладкое – горькое», «враг – друг», «свет – тьма» и т. д. Многие философские системы содержат ряд оппозиционных пар: «природа – культура», «активность – пассивность», «рациональность – иррациональность». «Левое» составляющее каждой оппозиции приписывается мужественности, правое – женственности. Более того, первое составляющее всегда преобладает над вторым, воспринимается как более господствующий и положительный, нежели второй, являющийся производным и часто отрицательно обозначенным. Именно так и обозначается отличие отношений в оппозиции «мужчина – женщина». Такие отличия лежат в основе возникновения гендерных метафор. Употребление гендерных метафор актуализирует в сознании оратора вид объектов, с которыми сравнивают, и вид объектов, который сравнивают. Основой

сопоставления для двух объектов является их черта, которая обобщает понятия и отсылает реципиента к реальным мужчинам и женщинам, которым приписывают данные природой качества: интеллект – эмоции, активность – пассивность и т. д.

Однако далеко не все эти номинации воспринимаются носителями языка как метафоричные, но они способствуют уподоблению качеств мужественности и женственности с качествами реальных мужчин и женщин, что и создает гендерные стереотипы.

Довольно часто при описании мужественности и женственности используется термин «стереотип». Нередко стереотипы рассматриваются как устойчивые формы поведения, в которых содержится этническое своеобразие культуры. Гендерные стереотипы содержат в себе культурно и социально обусловленные атрибуты и нормы поведения мужчин и женщин. Чем ярче выражены сферы поведения, тем сильнее они регламентированы и тем больше к ним относятся стереотипов. Социальное поведение представителей обоих полов обычно регламентировано, оно подвергается стереотипам и действует в коллективном сознании как индикатор «правильного – неправильного». В разных культурах содержание одного и того же действия может выражаться по-разному.

В основу характерологических концептов входят возрастные, функциональные психофизические, и интеллектуальные свойства и состояния, референция речевого поведения, многообразные формы деятельности, связанные со свойствами личности и т. д.

Рассматривая противопоставление стереотипов маскулинности и фемининности в английском языке («man – woman»), можно выделить, что «первый член данной оппозиции «man» господствует над вторым членом, так как является сам по себе репрезентативным для целой группы «human being» (слово «man» может использоваться как для женского, так и для мужского пола). На более высоком уровне концепт «man» соответствует концепту «masculinity», а концепту «woman» соответствует «femininity». Во время

анализа одушевленных и неодушевленных существительных в английском языке выяснилось, что, несмотря на отсутствие гендерных маркеров, неодушевлённым и абстрактным существительным приписываются референтные признаки, трактуемые как «маскулинные» и «фемининные». Например, названия красивых и грациозных животных соотносятся с женским родом, а названия сильных и агрессивных – с мужским. Приписывание женского рода может осуществляться на основании отрицательных качеств (слабость и хитрость), а приписывание мужского рода может быть позитивным (сила и масштаб) и негативным, при репрезентации предмета как чего-то огромного и неприятного (Щербакова, 2013).

В 18 веке в Англии, касаясь самого мужского языка, популярен был термин «effeminasу», что означает «женственность», «мягкость», «изнеженность». Этот термин употреблялся по отношению к той категории мужчин, которые своей речью походили больше на женщин, нежели на представителей сильного пола. «Женственность» играла главную роль в «размывании границ» между двумя гендерно-сложившимися языками. И действительно, влияние маскарадов и театральных постановок с переодеваниями на речь англичан того времени заинтриговали многих ученых-лингвистов. В то же время, ученые, изучающие маскулинность, подразумевают, что 18 век был уникальным в своем роде. Кэролин Уильямс пишет в одной из своих работ: «В то время не существовало всеобъемлющего определения «мужественности» языка, потому что не устанавливалось никакого стандарта». Другие же ученые утверждают, что стандарты, может, и были, но невысокие, мужественность не была строго регламентирована, а гендерные границы были «жидкие», создающие почву для «кризиса» маскулинности.

Однако, Мишель Коуэн в своей работе «Fashioning Masculinity» оспаривает предположение о том, что стандарты мужественности в 18 веке были недостаточно высокие. Она утверждает, что маскулинность была

представлена в дискурсе гражданского нуманизма и имела тесную связь с понятием «вежливость», сутью которого оперировали в языке того времени довольно часто. В своей книге она рассказывает о влиянии французского языка на английский, заявляя, что мужчины стали «офранцужены», поддавшись на соблазнения французской моды, манер и поверхностных знаний (Cohen, 1996). К концу века от французского влияния на английского джентльмена остался только парик и пара вежливых фраз. Вскоре, когда наступил век модернизации и индустриализации в обществе, наоборот, стал популярен образ «сурового» мужчины.

Выводы по Главе 1

1. Со времен палеолита статус мужчины значительно превысил статус женщины, потому что представители сильного пола воспринимались в качестве охотника и завоевателя. 4000 лет назад, по словам Энгельса, произошло появление гендерных ролей. Почти во всех цивилизациях Древнего мира роль женщины отходила на второй план. В Греции они имели политические права, но все равно подчинялись мужчинам. В Риме же представительницы женского пола могли запросто подвергнуться избиению за измену. Право на образование и независимость имели только незамужние женщины. На Востоке мужчинам было дозволено избить и публично унижить свою жену. В средние века положение женщины не изменилось. Представительницы слабого пола имели ничтожные права, в частности, на религиозной основе. Данная проблема встречается не только в странах, где господствовал католицизм, но и там, где главенствовал ислам и иные религии.

2. Когда женщины начали бороться за свои права и добились успеха, начало появляться такое понятие как «гендер». Первые исследования в данной области начали проводиться на Западе на основе романо-германских языков. В России же гендерная лингвистика возникла в конце 80х годов XX века из-за влияния постмодернистской философии. Тогда то и возникли новые направления в языкознании: прагматика, психолингвистика, социоллингвистика, теория дискурса и коммуникации. Были созданы две основные концепции изучения гендера: консервативно-патриархатный подход, который лежит в основе биологической концепции, и биологический подход

Одной из важных предпосылок развития гендерологии как науки является феминистская эпистемология (теория познания). Познание осуществляется в рамках нескольких моделей: позиционизма, феминистского эмпиризма, социального конструктивизма и постмодернизма

Датский лингвист Отто Эсперсен был первым, кто обратил на различия в речи мужчин и женщин. Он заявлял, что в мужском лексиконе количество ругательств больше, нежели в женской речи, и мужская речь более лаконична. Кроме того, он отметил, что женщины зачастую используют эллипсы и паратаксис.

Лингвист А. В. Кирилина, которая отдельно выделяет исследование маскулинности, также подчеркивает «дефицитность» женского языка по сравнению с мужским. Далее она сформулировала оппозицию мужского языка как нормы и женского языка как отклонения от него.

Неимоверно большой вклад в гендерные исследования и социолингвистику внес В. Лабов. На основе квантитативных исследований он выявил различия в мужском и женском варианте речи. Лингвист ставил не морфологию, а фонологию в центр исследования. Он установил, что женщины более склонны к использованию престижных разновидностей произношения. Эта склонность сближает их с речевым стилем среднего класса и отдаляет от стиля общения в рабочих кругах.

После 1917 года роль женщины в России усилилась, и исследования в области гендера не проводились. И лишь после 70-х гг. XX века такие ученые как Ю. Н. Караулова, Е. А. Земской, Е. И. Горошко и др. стали проводить исследования в данной области. Они установили, что для женщины более важны ее деловые качества, а не черты, связанные с ее отношением к мужчине. Представители мужского пола наделяют их многими негативными характеристиками, женщины же, наоборот, стремятся выразить положительную эмоциональную оценку. Также были установлены аспекты мужской и женской письменности. Мужчины употребляют большее количество абстрактных существительных, вводных слов со значением констатации, сочетание официальной и эмоционально маркированной лексики при обращении к близким, большое количество нецензурных слов. Женщины же употребляют престижные, стилистически повышенные формы, большую образность при передаче чувств.

В 1975 году Робин Лакофф впервые употребил такое понятие как «гендерлект», что означало постоянные наборы признаков женской и мужской речи. Он утверждал, что гендерлект обладает константными признаками, но позже эта теория была опровергнута.

Известные российские и зарубежные философы и социологи разделились на четыре основных подхода в исследовании комплекса лингвокультурогических проблем: консерваторы-антифеминисты, сторонники либерального подхода, приверженцы социально-экономического (феминистского) подхода и представители эгалитарного подхода.

В последующие годы лингвисты изучали понятие «гендер» с разных сторон. Т. Парсонс, Р. Бейлис разработали теорию роле-половой социализации. Э. Гоффман рассматривает гендер в теории драматургического интеракционизма одновременно как источник и результат психологического, культурного и социального взаимодействия. Г. Гарфинкель отделил биологический пол от социальной категоризации, о чем гласит его этнометодологическая концепция. П. Бергер и Т. Лукман создали теорию социального конструирования гендера. О.Л. Каменская предлагает разграничить гендерные исследования на две группы: на гендерную лингвистику и лингвистическую гендерологию. Работы Джудит Батлер по гендерной перформативности ознаменовали собой отход от идеи, что пол был чем-то приобретен посредством социализации на раннем этапе жизни. Р. Коннелл в своей работе, в которой рассматриваются модели мужественности, отмечает, что маскулинность не является когерентным объектом социального познания, и поэтому она должна рассматриваться как компонент общей структуры гендерных отношений.

Джон Лэнгшоу Остин заметил интересное свойство многих английских выражений. Он исследовал такие языковые выражения, не описывающие действительность, а сами по себе являющиеся действиями. Эти выражения он назвал перформативными.

3. Стали рассматриваться противопоставления стереотипов маскулинности и фемининности. К примеру, в английском языке («man – woman»), можно выделить, что «первый член данной оппозиции «man» господствует над вторым членом, так как является сам по себе репрезентативным для целой группы «human being» (слово «man» может быть применено как для женского, так и для мужского пола). На более высоком уровне концепт «man» соответствует концепту «masculinity», а концепту «woman» соответствует «femininity».

Глава II. Объективация лингвокультурологических гендерных особенностей

2.1. Образ мужчины в литературе

В настоящее время проблема гендера касает гуманитарных наук рассматривает новые подходы изучения. Одним из новейших подходов гендерных исследований и является тема маскулинности. В современной культуре происходит трансформация мужских образов, связанная со сменой парадигмы ценностей.

Гендерная проблематика способствует прочтению и рассмотрению известных текстов по-новому. Одна из распространенных проблем культурных изысканий – изображение человека в литературе. Но за понятием «человек», и в литературоведении, и в философии принято подразумевать мужчину – и данный феномен воспринимается как нечто совершенно естественное. Вместе с тем во всех периодах изучения литературы (школа, университет, наука) существует и всем известная тема – «женский образ», дополнительно подчеркивающая выделение женщин из разряда «людей», отделения их от мужчин. То есть, наука порождает две противоположные модели. Первая основывается на типологии мужских персонажей, в основе которой лежит социальный фактор: «маленький человек», «лишний человек», «новый человек», т.е. классификация «людей». Типология же персонажей женских, основываясь на факторе природы, в целом основывается на оппозиции ангел/ведьма, и существующая социальная типология не параллельна первой и тем более не перекрывает ее, а скорее поглощается ею.

Многочисленные и многоаспектные формы проявления и выражения маскулинности в культуре требуют детального изучения. Упомянув о западной литературе, следует сделать акцент на основе этого вида культуры, а именно на фольклор: сказки, повести и баллады. Огромное количество баллад посвящено тематике героизма. Их основу составляют как

определенные исторические события, повествующие о битвах между шотландскими и английскими войсками, так и описание враждебных порывов: семейных раздоров, жестокой мести, конкуренции за титул и т.д. В этих повествованиях наиболее ярко и четко раскрывается образ мужчины тех веков. Эти образы создаются благодаря эпитетам, образуя наглядные зрительные образы путем выделения отличительных качеств. Именно эти средства выразительности придают словам надлежащий вес и звучание, чтобы слова и выраженные ими образы врезались в память и выражает народное мнение, его суд и оценку стереотипа средневекового мужчины.

Проанализировав две наиболее яркие группы эпитетов, можно сделать вывод, что к первой группе относятся положительные качества и поступки персонажей, а ко второй характеристика отрицательных черт героев.

Следует рассмотреть группу эпитетов, определяющих положительные качества и поступки героев. Английские сказки переполнены невероятным множеством эпитетов, которые дают лицу позитивную характеристику, наделенную абстрактными чертами: *goodly, good, fine, sweet, bonny (bonnie), nice: good man, bonny boy*. Следует учитывать, что в подавляющем большинстве случаев многие из этих эпитетов, такие как *sweet, bonny, fine, fair* используются как для описания внешних данных героев, так и их душевных характеристик.

Встречается традиционное обращение к мужчине: *bonnie man, my good man, kind good man*.

К положительным героям применяются эпитеты, образованные от прилагательного *good* (*good-natured* или *good-hearted*) или его синонимы (*kind-hearted, soft-hearted*). Например: *John's mother was a kind-tempered woman*.

Среди более конкретных качеств положительно-оценочного характера в мужских образах особенно ценится храбрость (*brave, bold*) и галантность. Именно эти качества являлись неотъемлемыми спутниками средневекового героя.

В английских сказках также часто встречаются повествования о королях, принцах, благородных рыцарях и джентльменах, которые постоянно именуется эпитетом «proud». Королевская чета определяется эпитетами «powerful» и «great», постоянными спутниками - эпитетами к слову «knight» являются «noble», «brave» и «bold».

В англо-шотландских балладах, так же как и в сказках, используется достаточно большое число эпитетов универсального свойства. Это эпитеты типа good, fair, goodly, а одним из самых популярных эпитетов шотландского диалекта является bonny. Например, «O whare will I get a bonny boy...»

Могущество рыцаря или правителя выражается эпитетом – «mighty».

Особое место среди героических баллад – в фольклоре Англии и Шотландии – занимают баллады о Робин Гуде, символизирующем хитрость, мужскую честь и достоинство. Его качества иллюстрируются при помощи постоянных эпитетов «brave», «noble», «valiant»:

“With that steps forth a brave young man,
Which was of courage bold;
Thus hee did say to the old man:
I pray thee, palmer old...”

Робин Гуд постоянно обращается к своей свите, называя ее эпитетом «merry»: my merry men.

Базис негативных эпитетов английских сказок формируют антонимы к слову «good», такие как «cruel», «bad», «ill-tempered», «spiteful», «wicked», «unkind». К примеру, колдуны характеризуются с помощью эпитетов great и wicked. Например: “Once upon a time, there was a mighty baron in the North County who was a great magician and knew everything that would come to pass” (Егорова, 2015).

Периодом изучения гендерного аспекта принято считать Ренессанс, когда представления о мужественности в первую очередь доминировали рыцарскими и гуманистическими традициями, и вторую половину XVIII века, где было положено начало современных представлений о мужской

принадлежности. Именно ранняя современная эра была ключевым моментом в эволюционной динамике мужского представления. Политические события, такие как Пуританская революция, восстановление и свержение власти заставили пересмотреть мужской идеал в обществе. В то же время появление печатной литературы стало средством передачи нового мужского идеала, а литература того периода отражала изменяющиеся представления о мужественности.

Джордж Путтенхем исследовал связь пьес Шекспира с темой, которая спровоцировала горький общественный спор. Совместно с Робинотом Хэдламом Уэллсом он утверждает, что Шекспир скептически относился к воинственно-протестантскому культу героической мужественности. После серии блестящих портретов опасно харизматичного героя-воина Шекспир в конце своей писательской карьеры обратился к иному описанию мужского образа, который раскрывается в таких произведениях как «Буря», «Генрих V», «Троил и Крессида», «Гамлет», «Отелло», «Макбет» и «Кориолан» (Путтэнхэм, 1970).

Томас Кэро, Эндрю Марвелл, Фрэнсис Бомонт и Джон Флетчер, Джон Драйден, Даниэль Дефо и Сэмюэль Ричардсон демонстрируют, как значимые литературные тексты того времени передавали идеализированные образы раннего современного мужского достоинства. Сосредоточив внимание на литературной, исторической и социальной динамике, которые строят культурные представления о мужественности, можно построить представление о мужественности в раннем современном периоде как динамичный и развивающийся процесс, который часто бросал вызов западным представлениям о том, что значит быть мужчиной.

Главной темой в гендерной проблематике является устойчивая стереотипизация мужского образа в классической литературе XVII–XX вв. Доказанным и общепризнанным является акт воздействия художественной литературы на сознание человека. Произведения художественной классической литературы, как правило, направлены на массового читателя, у

которого отсутствует навык критического мышления, и основной упор внимания приходится на эмоциональное, образно-художественное восприятие. Соответственно образ главного героя, в нашем случае мужчины, сильно отпечатывается в подсознании читателя и создает некий аспект восприятия, как самого персонажа, так и облика мужчины в целом.

Проанализировав одни из самых известных произведений данного периода, я пришла к выводу, что образ мужского персонажа, на которого читатель обращает внимание в первую очередь, а именно одного из главных действующих лиц, по своей натуре двойственен. Этот образ сначала воспринимается ошибочно, а сама суть героя раскрывается ближе к середине или под конец произведения.

Например, в произведении Маргарет Митчел «Унесенные ветром», действие которого разворачивается в середине XIX века, один из главных героев Рэтт Батлер – мужчина, который игнорирует порядки общества. О таком красавце и богаче мечтает каждая девушка, однако его репутация оставляет желать лучшего. Рэтт очень мудрый человек, оценивающий душевную красоту людей, умеющий любить по-настоящему и не способный на предательство.

В одном из диалогов с Рэттом главная героиня Скарлет заявляет: “Sir,” she said, “you are no gentleman!” Читатель может заметить, что Батлер, зная о своей порядочности и тонкой натуре, все же воспринимает замечание девушки как данное и едко парирует “And, you, Miss, are no lady.” Складывается впечатление очень напыщенного и самодовольного молодого человека, которое «сглаживается» поступками Рэтта в середине книги.

Один из электронных журналов «Sparknotes» пишет об этом персонаже “Rhett Butler - Scarlett’s third husband, and a dashing, dangerous adventurer and scoundrel...Rhett exposes hypocrisy wherever he goes. He represents postwar society, a pragmatic, fast-paced world in which the strong thrive and the weak perish” ([Sparksnotes](#)).

В произведении испанского писателя Мигеля де Сервантеса XVII века «Дон Кихот» главный герой предстает перед читателем безнадежным романтиком и мечтателем, который решает вскоре отправиться в путешествие и стать рыцарем прямо как персонажи из прочитанных им книг. В романе мужчина сочетает в себе два качества одновременно: «tragicidad y comicidad» (трагичность и комичность).

В одном из глубочайших произведений XIX века «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте в образе главного мужского персонажа выступает мистер Рочестер. В нем сочетаются многие качества традиционного романтического героя, бунтаря с чертами характера, сходными с заведомо обреченными на страдания героев Байрона.

“Rochester is sort of like the Beast half of a “Beauty and the Beast” story. (Forget for a minute that Jane’s no beauty.) He’s even got a sort of shaggy mane of hair that makes him look beast-ish, and at the end of the novel, when he’s locked himself away at Ferndean to wallow in his own self-pity, he’s described as “some wronged and fettered wild beast or bird, dangerous to approach in his sullen woe...Rochester likes to make excuses for himself: he’s not a bad person by nature, he was just in a really bad situation,” – дает свою оценку персонажу английский электронный журнал «Shmoop». Как и в известной сказке за образом ужасного монстра скрывается хрупкая человеческая душа (Shmoop).

Один из самых известных мужских персонажей XX века является Великий Гэтсби из одноименного произведения Скотта Фицджеральда. Двойственное описание пронизывает повествование всего романа. Данный тон задает рассказчик, от чьего имени ведется повествование, Ник Каррауэй, который представляет характер Гэтсби в противоречивых оценках: “Only Gatsby, the man who gives his name to this book, was exempt from my reaction — Gatsby, who represented everything for which I have an unaffected scorn. If personality is an unbroken series of successful gestures, then there was something gorgeous about him, some heightened sensitivity to the promises of life...” За

невообразимым щегольством и пышностью прятался любящий и робкий человек, способный отдать последнее за желанную женщину.

Мистер Дарси в произведении Джейн Остен XVIII века «Гордость и предубеждение» холоден и проницателен. Он сильно отличается от всех тех молодых людей, которых ранее встречали сестры Беннет. И впечатление на них он производит достаточно неприятное. Главная причина – его чрезвычайное высокомерие. Ближе к концу произведения маска холодности и презрения к окружающим спадет, изобличая чуткую и добрую душу.

Вот что пишет Джейн Остен о Дарси: “He was the proudest, most disagreeable man in the world...”

Уикхэм, герой, который воспитывался в одном доме с Дарси, заметил как-то, что гордость делала его добродетельным человеком: «It is wonderful», replied Wickham, «for almost all his actions may be traced to pride: and pride has often been his best friend. It has connected him nearer with virtue than any other feeling».

Потом он объясняет, что подразумевал – гордость становится добродетелью в Дарси, а это значит, что именно она придавала ему благородство и великодушие, давала ему возможность быть щедрым и гостеприимным, помогать и облегчать участь бедных.

Сложная, притягательная и немного причудливая натура Хитклиффа в романе Эмили Бронте XIX века «Грозовой перевал» делает его очень непростым и увлекательным персонажем, который сочетает в себе как черты положительного романтического героя, так и отрицательного, отталкивающего.

“Catherine and Hareton, Heathcliff seems to be an inhuman monster – or even incarnate evil. From a literary perspective, he is more the embodiment of the Byronic hero (attributed to the writer George Gordon, Lord Byron), a man of stormy emotions who shuns humanity because he himself has been ostracized; a rebellious hero who functions as a law unto himself. Heathcliff is both despicable

and pitiable. His one sole passion is Catherine, yet his commitment to his notion of a higher love does not seem to include forgiveness.

Readers need to determine if his revenge is focused on his lost position at Wuthering Heights, his loss of Catherine to Edgar, or if it his assertion of dignity as a human being. The difficulty most readers have relating to and understanding Heathcliff is the fact that he hates as deeply as he loves; therefore, he is despised as much as he is pitied”, - повествует английский электронный журнал «Cliffnotes» (Cliffnotes).

В Нидерландских сказаниях самым известным персонажем является некий Тиль Уленшпигель - бродяга и плут. Этот персонаж высмеивает всех, кто встречается ему на пути. На первый взгляд он производит впечатление деревенского дурачка, но если взглянуть в картинки к книгам с данным персонажем, то можно почти на каждой из них увидеть его главные атрибуты: зеркало и сову. Зеркало, по древним преданиям, обозначает разоблачение и реальность «demasque», а сова – мудрость «wjsheid».

При анализе произведений было выявлено то, что наиболее употребляемыми прилагательными, характеризующими главных героев, являлись «dangerous», «strong», «dashing», «proud», «disagreeable». Можно сделать вывод, что мужчина воспринимался в первую очередь как некий образ силы, неукротимости и власти (именно над женщинами).

Современная же литература более плюралистична. Отказ от провозглашения традиционных ценностей и взглядов, движение феминизма в развитых демократических странах, глобализация культурной жизни, породили многообразие представлений о «мужском», столь невозможное ранее. Однако некоторые традиционные образы маскулинности продолжают сохраняться наряду с новым восприятием трансформаций. Данная инерция образности имеет множество причин. Одна из них – сохранение ментальности большей части населения стран.

Она связана с идеей власти и доминирования, как отмечается основоположниками психоанализа. Разнообразие образов мужчины отражает

борьбу различных установок в современных социально-культурных ситуациях.

В течение последних десятилетий XX века происходила активная трансформация мужских образов, прежде всего в литературе развитых западных стран. Данное явление не было однозначным по своим социально-культурным последствиям. Стереотипы, о которых говорилось выше, подвергались критике со стороны либеральных идеологов, приверженцев феминизма. Одним из важнейших аспектов этой критики служил тезис о том, что традиционно образ маскулинности связан с доминированием, агрессивностью, стремлением к авторитарности во всех проявлениях общественной и частной жизни.

Традиционная маскулинность с базовым набором «мужских» качеств предшествовала появлению новых образов в современной культуре, которые на протяжении последних десятилетий XX в. менялись, перестраиваясь из одной стадии трансформации в другую. Многие из них стали приближены к «женскому» образу. Это было обусловлено тем, что вследствие многих социально культурных и экономических факторов грань различия между образами «мужского» и «женского» становится все менее заметной в литературе (Боровкова, 2012).

В настоящее время, основываясь на различных публикаций как в научной, так и художественной литературе, можно подчеркнуть такие трансформации мужских образов, как техносексуал, ретросексуал и уберсексуал.

Образ техносексуала относится к мужчинам, которые отдают предпочтение технике и всему, что с ней связано. Данное понятие появилось благодаря Р. Монтальво, американскому математику и физику. Он утверждает, что техносексуал – это человек, отдающий предпочтение информатике, своеобразный «современный городской нарцисс». Представители данного типажа, как правило, не являются приверженцами моды (Jane Magazine, 2005).

Понятие «ретросексуал» весьма живописно. Данный вид близок к традиционной маскулинности и обозначает мужчину, имеющего традиционные отношения к женщинам. Посреди постоянных трансформаций мужского образа данный традиционный тип в различных изданиях, в первую очередь посвященных моде, обозначается как «ретро». Единственный минус данного типа характеризуется проблемами во взаимоотношениях с представительницами женского пола.

Самый распространенный образ, который вызывает большой интерес в мире моды и средствах массовой информации, – это образ уберсексуала. Слово «уберсексуал» – это сочетание немецкого предлога *uber* («над», «сверх») и латинского слова *sexus* («пол»). Это понятие впервые было употреблено в книге под названием «Будущие мужчины». Авторы излагают мысль о снятии противоречий между различными трансформациями «мужских» образов в культуре. В будущем, по их словам, все минусы перешли в плюсы и доля «приторности» и «эгоизма» сошла на нет. Благодаря существованию данного типа отношения полов будут развиваться более гармонично, соответствуя современности (Salzman, Matathia, 2005).

2.2. Образ мужчины на политической арене

С давних времен политика считалась сугубо мужской сферой деятельности, хотя и в настоящее время, несмотря на гендерную борьбу людям привычнее смотреть на представителей мужского пола, решающих дипломатические дела, нежели на женщин. Одной из главных социальных черт XX века можно считать интенсивное развитие радикальных политических движений, весомую роль среди которых имеет равноправие полов. Идеи феминизма стали с невероятной силой поглощать страны Запада. Им в противовес начали образовываться антифеминистические силы. Исходя из этого, можно сделать акцент на гендерной проблематике XX и XXI века, соглашаясь с идеей, что гендерный дискурс политической истории данного

времени включает в себя решение как «женского», так и «мужского» вопроса. сложность представляют для женщин гендерные стереотипы, из-за которых и укоренилось данное мнение. В эти стереотипы главным образом входит речевое поведение (Вершинина, 2011).

Использование определенных частей речи, лексические и синтаксические конструкции, категория рода и гендерный признак рассматриваются в различных исследованиях и описаны в литературе. Стереотипы речевого поведения пронизывают все уровни языка и оказывают огромное влияние на исследование стратегий и тактик текста. Однако большее значение придается феминистическому языку политики, нежели представителям противоположного пола, так как мужчина издревле рассматривался как полноправный участник политических отношений. В основу исследования заложено изучение гендерных особенностей политических коммуникаций, мелькающих в газетах, транслируемых по телевидению, выложенных в интернет как новость или же контент социальной сети и др. Для сравнения использовался материал и женской речи таких выдающихся политиков как Хиллари Клинтон и Ангелы Меркель в рамках контрастной лингвистики. Как правило, при получении руководящей должности женщина вынуждена перестраивать свое поведение под «мужское». Но они не должны копировать поведение, а мыслить «по-мужски».

Перед переходом к конкретным примерам хотелось бы отметить стереотипы мужского и женского поведения на политической арене. По словам специалистов женщины зачастую выдвигают законодательную инициативу, близкую по содержанию самим женщинам, касаясь семьи, благополучия и детей. Мужчинам свойственны темы процентных ставок, акцизов, НАТО, технологий и т.д. Мужчины строят политические диалоги в рамках «нападение-оборона», женщины, напротив, придерживаются концепции «диалог-сотрудничество». В речи мужчин преобладает логика и аргументация, огромное количество технических и экономических терминов,

однако недостает слов, выражающих чувства. Тем не менее, Кэрол Гиллиган, профессор психологии (Гарвардский университет, США) отмечает: «Женщины обладают большей нравственной силой, у них более высокие этические нормы и особая способность устанавливать и поддерживать хорошие отношения с людьми, т.е. все качества настоящего политического деятеля» (Зуйкова, 2001).

Государственный секретарь США Хиллари Клинтон затрагивает в своих выступлениях зачастую темы «семья», «материнство», «здоровье», которые свойственны, как уже говорилось ранее, политикам женского пола. Прослеживается неуверенность в построении фраз и попытка смягчения слов: “I think I did a pretty good job” – говорит она о проделанной работе – “I think it’s important to look at what we have to do”. Стоит также отметить слово «happen» во фразе “Well, I happen to support that”, которое создает впечатление, что политик выбрала данную точку зрения не сама. Дональд Трамп же, напротив, употребляет более «жесткие» слова. Например, “It’s a huge failure”. И лишь единожды в изученном материале встречается слово, выражающее сомнение во фразе “I think it’s disgraceful”, но вскоре добавляет “Believe me...”. Президенту США свойственны употребления отрывистых побудительных предложений “Believe me or not”, “Look at this mess!” и т.д. А также можно проследить использование парцелляции как в данном примере “Sounds good. All talk. No action. Doesn’t work”. Данный пример показывает четкую разницу между «жесткой» мужской политикой и «мягкой» женской.

Необходимо выделить тот факт, что хоть женщины-политики и считаются мастерами использования метафор и эпитетов в своей речи, на политической арене встречаются представители противоположного пола, чья речь также переполнена этими средствами выразительности.

Президент США считается мастером классической риторики и постоянно использует экспрессивные лексические средства. Самым распространенным эпитетом в его речи является английское прилагательное «smart». Зачастую Дональд Трамп использует его для описания политики

других стран. Например, “China is smart. America is ruined”, “We have been disrespected, mocked and ripped off for many, many years by people, who are smarter than our leaders”, “Our leaders are stupid, our politicians are stupid and the Mexican government is much smarter, much sharper and much more cunning”.

Рассматриваемый эпитет «smart» входит в синонимический ряд с прилагательными «sharper», «cunning», благодаря чему происходит прием, который называется синонимическая конденсация, который предполагает нагнетание существительных, прилагательных, глаголов или наречий, а не только частое употребление одинаковых или сходных по значению лексических единиц (smarter, much sharper, more cunning). Стоит заострить внимание и на глаголах, несущих негативное содержание «ruined», «disrespected», «mocked», «ripped off». Данные части речи обрисовывают мрачную картину, передаваемую в речи президента. Однако президент на фоне таких слов предстает «защитником» и «спасителем», что является очень умным логическим и эмоциональным приемом.

Кроме того, в речи Дональда Трампа постоянно присутствует прилагательное «best» (лучший) и синонимичные ему выражения «smartest», «brilliant» и т.д.

“I’ll choose the best people for my administration”. “I am self-funding and will hire the best people, not the biggest donors!” “I know the smartest guys on Wall Street. I know our best negotiators.” “We should be using our brilliant people, our most brilliant minds to figure a way that ISIS cannot use the Internet”. Президент употребляет выражение «лучшие люди» (в контексте лучшие умы) не случайно. Тем самым он отмечает, что во главе страны стоят достойные, опять возвышая свою личность и причисляя себя к данной категории лиц: “Additionally, I would be the best jobs President that God ever created”.

Одним из часто употребляемых лексических приемов Дональда Трампа является гипербола. Об этом он пишет в своей книге «The Art of the Deal» (1987): “...a little hyperbole never hurts. People want to believe that something is

the biggest and the greatest and the most spectacular. I call it truthful hyperbole. It's an innocent form of exaggeration – and a very effective form of promotion” (Trump, 1987: 372). Действующий президент США нарекает преувеличение «правдивой гиперболой» (truthful hyperbole), хотя, некоторые критики утверждают, что здесь находится простой оксюморон, поскольку по своему определению гипербола представляет собой «неправдивое преувеличение».

К примеру, Дональд Трамп активно использует гиперболу, когда говорится о строительстве стены между США и Мексикой, глобальном потеплении или о терроризме.

“The dishonest media does not report that any money spent on building the Great Wall (for sake of speed), will be paid back by Mexico later!”, “The concept of global warming was created by and for the Chinese in order to make U.S. manufacturing non-competitive.”, “We will reinforce old alliances and form new ones, and unite the civilized world against radical Islamic terrorism, which we will eradicate completely from the face of the Earth.”

Важно отметить, что стену при помощи гиперболы называют «великой» (the Great Wall) по аналогии с Великой Китайской стеной (the Great Wall of China). Касаясь глобального потепления, оно «было создано китайцами и для китайцев» (The concept of global warming was created by and for the Chinese), а исламский терроризм должен быть « полностью стерт с лица Земли» (we will eradicate completely from the face of the Earth) (Корецкая, 2017).

Зачастую в речи политиков-мужчин, впрочем, как и в повседневной мужской речи прослеживается безразличие к грамматике. Например, Билл Клинтон на дебатах 1992 года с Джорджем Бушем-младшим прибегает к использованию довольно разговорной фразы «you bet», а также видоизменяет местоимение «you», что вносит просторечный оттенок “I’ll tell ya”.

В речи Дональда Трампа также проскальзывают выражения неформального стиля, но они совсем не выглядят как пренебрежение президентом правил риторики и грамматики, а скорее как обращение к

слушателю как к хорошему другу: «I mean», «look», «Im for it», «okay», «I wanna», «you know» и т.д. (Корецкая, 2017).

Стоит отметить пренебрежение интонацией, которая свойственна Джорджа Бушу-младшему. Одну из своих фраз «I think they are going to afford their education» он произносит с вопросительной интонацией, хотя она несет значение именно повествовательного предложения.

Больше всего в политике ценится образ лидера, который и закрепляется речевыми особенностями «мужского» монолога. Поэтому, чтобы выделить сильную сторону политического имиджа, используется лексика, выражающая логику, силу и твердость. Например, действия американского демократа Э. Спитцера описываются в журнале «The Atlantic» при помощи метафоры «The hammer of the Thor» (молот бога войны Тора) во фразе «Invoking the Martin act Spitzer went after Wall street with the Hammer of Thor». В журнале «The Economist» политику А.Шварценеггеру приписывается эпитет «tough Arnie» во фразе «But touching property taxes would require revisiting Proposition 13, and not even tough Arnie dares do that».

Стоит обратить внимание на то, что в политике с целью выставить в невыгодном свете свойственно приписывать женские черты характера мужчинам при помощи различных средств выразительности, чтобы обличить слабость, неумение справиться с проблемой и нерешительность. Например: «Mr. Kerry is a peacenik leader of a peacenik party» (The Economist, 2004: 20); «...Democrats are soft on defence» (The Economist, 2005: 14). «...girlie men» (The Economist, 2005: 10). Так охарактеризовал Арнольд Шваценеггер своих оппонентов в политическом журнале.

Иногда мужчины высказываются, злоупотребляя гендерными различиями по отношению женщин, как показано в данном примере: “Iron my shirt! Iron my shirt!” А журналист, в свою очередь иронично прокомментировал «Two men in the audience offer Mrs Clinton some policy advice». (The Economist, 2008: 20). Из уст политиков выражения «Погладь

мою рубашку!» звучат оскорбительно и явно прослеживается дискриминация по половому признаку, основывающемся на гендерном стереотипе.

Одна из Бразильских статей начинается с предложения “Temer asumió el poder el jueves pasado con un gabinete conformado sólo por hombres blancos, ricos, conservadores y algunos con casos en la justicia, lo que ha despertado fuertes críticas.” – «На прошлой неделе в четверг Темер вступил в должность президента, приведя с собой кабинет министров, состоящий только из белых мужчин: богатых, консервативных и, в некоторых случаях, с уголовным прошлым, вызывающим резкую критику».

До нынешнего президента во главе страны находилась женщина, и ее замещение испанский журналист охарактеризовывает, указывая на биологические характеристики сменивших ее мужчин. Анатомические свойства личностей из статьи соприкасаются с информацией об их «грязном» прошлом. Следовательно, читатель непроизвольно ассоциирует героев материала с ролью преступника, агрессора и узурпатора». Становится понятно, что сравнение «бандит» входит в коннотацию слова «мужчина» (El Mundo, 2016).

Первые строчки очерка о халатности мексиканской системы, написанные женщиной-юристом, обличают проблему гендерного насилия в испаноязычных странах: “En Ciudad Juárez (Chihuahua, México) las mujeres sólo cuentan muertas.” – «В Хуаресе (Чихуахуа, Мексика) женщин начинают уважать, только когда они уже мертвы». Оксюморон в данной фразе передает яркую стилистическую окраску и явно отражает важность проблемы халатного отношения к жизни женщин в латиноамериканском обществе. Автор очерка многократно целенаправленно старается обратить внимание читателя на биологический пол героини материала: “La única mujer en un equipo de tres letrados españoles.” – «Единственная женщина среди испанских юристов»; “Además, tengo una doble implicación en este caso: como mujer y abogada.” – «Кроме того, у меня есть двойная мотивация для сотрудничества: Я заинтересована в нём и как женщина, и как юрист»

Автор придает герою очерка образ героя, делая акцент на его половой принадлежности и анатомических характеристиках, причем, в статье отсутствует должная доля агрессивности. Можно сделать вывод, что автор соглашается с установками социума о ведущей роли мужчины в политической, юридической и иных сферах жизни (El Mundo, 2009).

В одной из аналитических статей публицист раскрывает тему политической борьбы за гендерное равноправие. “Por su parte, la canciller de México, Claudia Ruiz Massieu, resaltó que en la mayoría de naciones la mujer sigue enfrentando, incluso en el siglo XXI, muchas formas de discriminación.” – «Кроме того, министр иностранных дел Мексики, Клаудия Руиз Масье утверждает, что в большинстве стран женщина даже в двадцать первом веке продолжает сталкиваться с многочисленными формами гендерной дискриминации.» Автор использует смысловую связку «женщина» – «жертва». Однако он не делает определенного акцента на этом. Единственную ноту отсутствия авторской нейтральности можно проследить в словах “Yo creo que el liderazgo femenino está en consonancia con una sociedad más armónica y pacífica” (Rodriguez, 2015: 16) – «Я полагаю, что женское лидерство приведёт нас в более гармоничное и мирное общество». Можно проследить гендерные установки в сочетаниях «женщина» – «мир» и «гармония».

Зачастую в политической речи присутствует такой сатирический прием как ирония, присущий мужчинам-политикам. Он заключается в заведомом усилении или же ослаблении свойств, признаков, характеристик, явлений, которые выражают абсурдность фактов. Хотя очень редко данный прием используют и женщины. Например, “It did take a Clinton to clean up after the first Bush and I think it might take another one to clean up after the second Bush.” В данном случае ироническое преувеличение содержит похвалу с одной стороны и порицание с другой. «Нам нужен был Клинтон, чтобы убрать после Буша, и сейчас я полагаю, нам понадобится еще один Клинтон, чтобы убрать после второго». В данном примере автор хвалит Клинтонов, и

намекает на то, что Хиллари необходимо избрать президентом, и в то же время указывает на ошибки со стороны бывших президентов.

Для придания своей речи юмора политики прибегают к такому приему создания слов как окказионализмы. Они содержат в себе достаточный уровень экспрессивности, чтобы заинтересовать слушателя, хотя реципиент не всегда понимает, что именно имеет в виду автор. Данный прием встречается в речи бывшего президента США Джорджа Буша, который на вопрос «Что вы думаете, о людях, которые находят вас слишком религиозным?», он отвечает: “I think they have underestimated me”. «Я думаю, они меня непонянедооценивают». Слова «underestimated» в английском языке не существует. Это неологизм который Буш придумал сам на момент речи. Это слово можно расшифровать так: misunderstand и underestimate, в сумме получилось underestimate («не понять» и «недооценить», получилось «непонянедооценить»). Перевести это слово достаточно лаконично невозможно. Можно предположить, что лучшим переводом будет «Я думаю, что они не понимают и недооценивают меня» (Сидоренко, 2010).

Также нами были проанализированы отрывки из речей выдающихся политических деятелей с точки зрения фоностилистики – раздела стилистики, в котором изучаются экспрессивные свойства произносительных вариантов слов и словосочетаний. В общей сложности данные отрывки состоят из 580 слов, из которых 406 (или 70%) – односложные (take, harm, dead, see, make, banned и т.д.), а 122 (или 21%) – двусложные (problem, alive, injured и т.д.). Только 2 слова являются трехсложными (tremendous, remember), при этом прилагательное «tremendous» повторяется трижды. Слова, содержащие четыре слога, почти не встречаются. Можно сделать вывод о том, что преобладание односложных и двусложных слов с ударным закрытым слогом, придает речи особую ритмическую организацию. Они делают речь отрывистой и динамичной. Именно эти слова являются

завершающими предложение и дополнительно выделяются интонационными средствами, к примеру, замедлением темпа, высоким или нисходящим тоном.

2.3. Тематические группы маскулинности

На данный момент в современной гендерологии фигурирование женских номинаций в СМИ преобладает над мужскими. Однако коннотация, которая присутствует в данных лексических единицах, выражена отчетливо. Невозможно представить современную журналистику без укоренившихся стереотипов о правильном и неправильном. Данная тенденция прослеживается и в сфере фемининности и маскулинности как культуры массового сознания. Она отражается в языке с помощью номинаций, которые и дают представление о мужском и женском образе, а именно, формируют этот образ при помощи языковых средств.

В конце исследования было выяснено, что одними из самых популярных гендерных номинаций, которые наиболее четко отражают маскулинность, объединены в данные тематические группы: Don Juan; Mr President; Macho; Metrosexual; Retrosexual; Technosexual; Kidalt; el héroe; Emoman. Каждая из данных групп включает в себя целый ряд базовых характеристик, таких как физиология (внешность, возраст, сила), личностные качества (оценка характера, темперамента, поведения, морали), социокультурные особенности (оценка в языке и речи с учетом социальных и культурных факторов), а также отношение к представительницам женского пола.

Перечисленные ниже лексические единицы были взяты из толковых словарей, СМИ Англии, Америки и Испании и сайтов сети Интернет.

Прежде всего, необходимо провести анализ семантики гендерных номинаций, которые образуют данные группы. Одну из групп, обозначенная номинацией «Don Juan», представляют синонимические ряды со значением «обольститель, волокита». Среди них: Casanova, ladies man, seducer,

philanderer, Lovelace, lover, libertine, lady-killer, womanizer и др. Зачастую данные лексические единицы находятся в контексте в оппозиции к словам woman-hater, misogynist, с одной стороны, и homosexual, gay, с другой. Анализ вышеизложенного материала показывает вариацию слов от положительной до резко отрицательной коннотации в зависимости от исторической или культурной составляющей семантики данных номинаций. Например, значение лексической единицы «Don Juan» предполагает ценителя женской красоты, но, с другой стороны, и похотливого соблазнителя, наказывающего любую сошедшую им женщину. “Don Juan is an unrepentant womanizer who seduces women by disguising himself as their actual lovers, or by promising marriage. Depending upon the particular rendition of the legend, Don Juan's character may be presented in one of two perspectives, or somewhere in between. According to some, Don Juan was a simple, lustful lover, a cruel seducer who simply gets intimate relationships with women wherever he can. Others, however, see Don Juan as a man who genuinely loves every woman he seduces, and it is his gift to see the true beauty and intrinsic value which exist within every woman”. Так пишет о данном представителе мужского пола англоязычный журнал «Naked Eye». (Naked Eye, 1982, 56). Подобная неопределенность коннотации данного типа маскулинности проявляется в СМИ в выборе атрибутивных признаков, составляющих семантическое поле денотата: а) положительные – experienced (4), attractive (5), having a gift to see the true beauty and value of a woman (3); б) отрицательные – loose (1), cruel (2), lustful (6), unfaithful (6), disloyal (5), a partner without serious intentions (5), unrepentant(4). По версии журнала «GQ», наиболее типичными представителями данного типа могут послужить: Антонио Бандерас «Маска Зорро», Ричард Гир «Красотка», Джордж Клуни «От заката до рассвета» 1996. “Clooney has only been married once, to actress Talia Balsam from 1989 to 1993, but being an in-born Casanova, he has been having an undetermined number of relationships with women” (New York Post Magazine, 2007: 34).

К тематической группе «Mr. President» (глава компании, банка, крупный бизнесмен) относятся такие лексические обозначения как «businessman, boss, tycoon conqueror». При анализе СМИ, было выявлено, что в их материалах доминируют положительные оценки данного типа маскулинности: well-educated (2), successful (3), standing on his own legs (4), full-fledged (2), shrewd (2), diplomatic (2), persuasive (3), pragmatic (4). «Being Mr. President you have to possess the art of persuasion, which represents the history of shrewd but diplomatic manipulation – getting people over the fence and onto your side without the use of force. Its ultimate goal is basic, but difficult: to convince your audience to internalize your argument, then embrace it as a part of their core belief system» сообщает журнал «Vogue» (Vogue, 2007: 56). Рядом с представителем данной группы женщина ощущает себя защищенной, избранной, «в надежных руках».

Следующая группа «Macho» характеризуется нарочитой, «показательной» мужественностью. В СМИ англоязычных стран используется целый ряд мужских обозначений, синонимичных к слову «мачо»: cowboy, gladiator, terminator; hot guy, patriarchal man, taker – your-breath-away. В англоязычных журналах данный тип представляет больше положительную коннотацию: virile (3), fair (2), just (2), steadfast (2), manly (3), firm (2), inflexible (1), self-confident (3), self-assured (2), reserved (4), beyond comparison (1). Представители данной группы по словам журнала «Cosmopolitan» легко могут завоевать дамское сердце и даже манипулировать женщинами. К данной группе авторы журнала «Cosmopolitan» относят Арнольда Шварцнегера «Терминатор» и Брюса Уиллиса «Крепкий Орешек»: “ Arnold Schwarzneger – best known as a “terminator” – has not only chosen a role in the movie, but a lifestyle back then” (Cosmopolitan, 2006, 38).

Еще к одной группе «Metrosexual» относятся номинации «metrosexual, neomacho, narcissus, ubersexual», которые обозначают мужчину, зависящего от ультрамодных средств гигиены, кремов, парфюма и стильной одежды.

Данный термин был введен году Марком Симпсоном на страницах статьи американского интернет-издания «Salon.com» в 2002 году, и употребляется по сей день. Таким мужчинам присущи тонкий вкус (delicate taste, good taste), утонченная изысканность манер и одежды (sophistication of manners and looks). Атрибутивные признаки данного типа представляют такие лексические единицы как: stylish (5), stout-hearted (2), robust (2), fashion-conscious (4) straight (2), soft-spoken (2). Представители данной группы чаще всего встречаются в модельном бизнесе, на телевидении, в шоу-бизнесе. Стоит отметить, что номинация «metrosexual» зачастую используется в СМИ с иронией, а то и насмешливой коннотацией, так как обозначает личность, зависящую от своей внешности. Самым известным метро-сексуалом считается британский футболист Дэвид Бекхем, имидж которого напрямую зависит от средств ухода знаменитых брендов. “David Beckham is, by most counts and according to number of hits on the Google search engine, the most famous sports personality in the world. A celebrated metrosexual, he is known for his celebrity lifestyle, good looks and wide international fan-base”, – пишет Marie Clare (Marie Clare, 2001: 15).

Обратными номинациями метросексуала стали лексические единицы, входящие в группу «retrosexual» (ретросексуал). Они обозначают гетеросексуального мужчину, придерживающегося традиционных романтических взглядов на отношения с женщинами. Данное обозначение было введено М. Симпсоном в противоположность типу Дэвида Бэкхема в одном из журналов под заголовком «Вирус Бэкхэма» (“Beckham, the virus”). Анализ данной группы позволяет говорить о том, что ретросексуалу свойственны прилагательные (attentive, solicitous, respectful. Помимо этого он демонстрирует мужественность (steadfast (3), courageous (2)) и даже некоторую долю жесткости (showing brutality (2)). “There are very few reasons that a Retrosexual may cry, and none of them have to do with TV commercials, movies, or soap operas” написано в журнале «GQ Magazine» (GQ Magazine, 2000: 24).

Рики Монтальво, американский математик и физик, ввел номинацию *technosexual* (техносексуал) в 70-х годах. Техносексуалом является современный городской нарцисс, увлекающийся информатикой. Это изменившийся тип информатика, с укоренившимся благосостоянием (*loving high-standard living* (4)), и высоким умственным развитием (*highly intelligent and capable* (3)), испытывающего определенные трудности в общении (*lacks social skills* (3)) и чья речь понятна только ему подобным: «*In daily life technosexual men usually keep to themselves and have very few friends. They utilize most of their time reading or doing some brain intensive activity, which tends to give them an edge over others*» повествует *Jane Magazine* (*Jane Magazine*, 2005: 28).

Общество относится к данному типу больше с иронией, нежели отрицательно. В СМИ «*technosexual*» заменяется новому сленгизму «*technogeek*», состоящим из понятия «*geek*», а именно «скучный, социально неприспособленный тип».

Одна из новейших номинаций – «*Kidult*», которая обозначает тип маскулинности, составленная из английских слов *kid* («ребенок») и *adult* («взрослый»). В начале XXI века по версиям многих журналов огромное количество мужчин не хотят взрослеть. Крупные компании по производству игр и мультипликационные компании стали воспринимать мужчин как целевую аудиторию. Данное явление инфантилизма психологи называют «синдромом Питера Пэна» из одноименной сказки Джеймса Барри, главным героем которой был мальчик, который не хотел вырастать. По мнению психологов, главными отличительными чертами данной категории людей являются эгоизм (*egoism, selfishness*), желание играть (*desire to play games*) и инфантильное поведение (*infantile behaviour*). Как выяснила недавно газета *The New York Times*, электронное устройство *iPod* есть даже у американского президента Джорджа Буша. И это не единичный случай среди знаменитостей. В список кидалтов входят: Билл Клинтон, актер Харрисон Форд, Джереми Айронс, режиссер Роберт Родригес, Тим Бартон и Питер Джексон.

«According to Christopher Noxon, author of Rejuvenile, many (kid)adults are more playful than they were twenty years ago, as it is more socially acceptable to collect toys, frequent theme parks, and play games. Playful adults are not ridiculed as they used to be, but still they are to some extent» пишут женские журналы.

Совсем недавно появились новые номинации для мужчины эпохи постфеминизма- Emoman, emoboy, SNAG – Sensitive New Age Guy, New Style Man. «Because women are so much stronger than they were in the past, men are able to be liberated from strict machismo rules of conduct» (Cosmopolitan, 2006, 34). Данный тип эмоционален (emotional (5)), отзывчив (sympathetic(4)), зачастую сентиментален (sentimental (4)) и раним (vulnerable (2)), может проявлять себя плаксивым и жалким (pathetic(2)). СМИ к такому типу относятся с иронией: “I am Emoman – a man who loves to make people happy. I love laughter and being sweet to the woman who has a special place in my heart. I live to create art – that’s all my life is about, besides love and emotions” (Cosmopolitan, 2007: 18).

Следующий тип был выявлен через СМИ испано-говорящих стран. Он характеризует мужчин, которые выглядят в глазах окружающих, завоевателями, людьми, достигшими высот в различных сферах деятельности своими усилиями. Они описываются зачастую прилагательными «alentado»(6) , «animoso»(4), «bravo»(4). Например, «El acróbata Pedro Juanes alcanzó cotas sin precedentes en la habilidad de circo y se va a dormir con la conciencia tranquila.» (Акробат Педро Хуанес достигает невиданных вершин на цирковом поприще и со спокойной душой уходит на пенсию). Смысловая связка «победитель» – «серьёзный мужчина» лучше всего отображает стереотип маскулинности в современном обществе (El Correo, 2012: 13).

Очерк Мартина Сотело в испанской газете «ABC» называется «Настоящий мужчина». В нем автор вспоминает о своем дедушке. “De pequeño, cada vez que presentía que mi abuelo Paulino se preparaba para irse a dormir, salía sigilosamente al patio y, a través de las rendijas de la persiana, espiaba cómo se desenrollaba el vendaje que cubría su torso desde que, en la

guerra, le pegaran un tiro, cerca de la ingle, en Lorca. Se desliaba la faja desde el pecho hacia abajo, muy despacio, con cuidado, como si hubiera recibido el disparo ese mismo día, un disparo que, en el caso de haber impactado unos centímetros más abajo y a la derecha, yo no estaría aquí escribiendo sobre él.” – «В детстве каждый раз, когда мой дедушка готовился спать, я тихонько пробирался во двор и смотрел через щелку в заборе, как он разворачивает повязку, скрывающую шрам, полученный от ранения на войне в Лорке, который тянулся через туловище и обрывался буквально в паре сантиметров от области паха. Всего пара сантиметров вправо – и вы бы не прочитали этот очерк».

Образ героя при описании шрама автором наталкивает на стереотип «настоящий мужчина», что создает архаичные маскулинные стереотипы «воин», «герой». Далее автор берется за подробное описание внешности главного героя: “Alto, delgado, aún guapo, de piel tostada. el pelo corto, era para mí la viva imagen del héroe que había conocido el fuego y la sangre en lejanas guerras en las que a mí entonces, cuando aún jugaba con espadas de madera, me habría gustado combatir.” – «Высокий, стройный, по-прежнему красивый, с бронзовой кожей, для меня он являлся олицетворением истинного бойца, познавшего огонь и кровь в далёких войнах».

Современные ученые не рассматривают маскулинность как стандартную неизменную величину. Они трактуют данное понятие как галопирующее изменчивое явление. Первым исследователем в области изменчивости «мужественности» стал австралийский социолог Р. Коннелл.

Она подчеркнула, что, как правило, одного образа маскулинности не существует. Существует его множество. Разнообразие культур и периодов истории влияют гендер по-разному. Многообразие зависит от среды нахождения мужчин. Внутри одной и той же группы, места работы или места проживания присутствуют разные пути формирования маскулинности, его усвоения, разные образы «альтер эго».

Говоря о разных типах маскулинности, важно упомянуть о понятии «гегемонная маскулинность» (hegemonic masculinity). Согласно этой теории в любой мужской группе существует не один, а несколько типов гендерной стереотипизации, однако возглавляет эту иерархию обычно тип личности, которой свойственны утверждение власти, преобладание физической силы, склонность к насилию, амбициозность, эмоциональная невыразительность, и высокая соревновательная способность.

В зависимости от социальной группы гегемонная маскулинность будет иметь разные основы: где-то это будет физическая сила, а где-то преобладающие интеллектуальные способности.

С.А. Ильиных рассматривает дисфункциональность понятия гегемонной маскулинности в своей работе и описывает переход от данного типа маскулинности к естественной. В социологии естественная маскулинность является совокупностью норм и представлений, отличающихся от «нормативных эталонов мужественности» большей разновидностью моделей мышления и поведения мужчин, уходом от стереотипного образа «настоящего мужчины» к образу «естественного мужчины», для которого свойственно проявление страха и иногда даже слабости (Ильиных, 2012).

По словам Р. Коннелл, помимо гегемонной маскулинности в каждой мужской группе встречаются три типа статусов. Сообщническая маскулинность или маскулинность соучастников (complicit masculinity) подразумевает совокупность свойств и качеств, в сумме которых к понятию гегемонной маскулинности приобщаются и те представители мужского пола, которые не возглавляют иерархию. Подчиненная, зависимая маскулинность (subordinate masculinity) включает тех лиц, которые находятся у подножия гендерной иерархии (например, геев). Последний тип, маргинализируемая маскулинность (marginalized masculinity), описывает мужчин, статус которых зависит от восприятия их окружающими, например, представители другой этнической группы или люди материально не обеспеченные (Коннелл, 2015).

В исследовании И.Н. Тартаковской раскрываются такие типы, как глобальная, транснациональная, фронтирная и иные маскулинности (Тартаковская, 2003).

В американской лингвокультуре существует четыре стереотипа маскулинности, которые носят довольно универсальный характер. На их основе и осуществляется социализация мужчины:

1. Sturdy Oak («крепкий дуб»): отсылка к мужской выдержке и совету для мальчика не показывать свою боль и тревоги.

2. Give 'em Hell («покажи им, где раки зимуют»): отрицательный ориентир в развитии личности, который предписывает тягу к насилию, удаль, проявление храбрости и хвастовства.

3. Big Wheel («крутой парень»): настраивает личность на развитие амбиций, любой ценой достижение высокого статуса и власти, влияния на других людей.

4. No Sissy Stuff («без соплей»): обладателям данного типа присущи выдержка и замкнутость, отсутствие ласки и нежности, ведь любое их проявление расценивается как «женственность». Данный тип является самым тяжелым из вышеперечисленных, так как воспринимается в обществе с негативной оценкой и является табуированным.

Нормы поведения, исследуемые Э. Томпсоном и Д. Плэком, имеют схожие черты. Исследователи выделяют три стереотипные нормы поведения, встречающиеся у американских мужчин:

1. Норма успеха или статуса (The Success/Status Norm). Данный стереотип маскулинности, утверждает, что важность мужчины в социуме определяет величина его заработка и успеха в работе.

2. Норма устойчивости (The Toughness Norm).

2.1 Норма устойчивости к физическим нагрузкам (The Physical Toughness Norm). Данная норма является стереотипом, устанавливающим обязанность мужчины обладать физической силой и высокой биологической активностью.

2.2 Норма устойчивости к умственным нагрузкам (The Mental Toughness Norm). Стереотип устойчивости к умственным нагрузкам обязывает мужчину обладать развитым интеллектом и сообразительностью, а также компетентностью в его сфере деятельности.

2.3 Норма устойчивости к эмоциональным нагрузкам (The Emotional Toughness Norm). Норма устойчивости к эмоциональным нагрузкам создает модель, согласно которой мужчина обязан самостоятельно разрешать свои эмоциональные проблемы и справляться с эмоциональной перегруженностью (Берн, 2004).

3. Норма антиженственности (The Antifemininity Norm). Согласно данному стереотипу, мужчина не должен заниматься «женскими» делами и избегать модель поведения, присущую слабому полу. Данная норма встречается почти во всех типологиях маскулинности разных исследователей, которые ссылаются на фемифобию (femifobia) - страх показаться женственным, часто связанный со стереотипом теории сексуальной инверсии (inversion theory of sexuality), согласно которой женственность у мужчины – это признак гомосексуализма.

Выводы по Главе 2

1. Женщина стала активным конкурентом представителей сильного пола как в общественной, так и в экономической жизни. Изменилось социально-культурное развитие общества, произошла смена ценностных парадигм, которые привели к глубоким трансформациям гендерных ролей и стереотипов. Данные изменения задели не только женскую половину, но и мужскую. Образ маскулинности поменялся с невероятной быстротой и нашел свое воплощение в СМИ, сети Интернет, рекламе и моде.

Гендерная проблематика способствует прочтению и рассмотрению известных текстов по-новому. Из-за гендерных стереотипов мы иначе смотрим на главных героев, или же иначе воспринимаем реальных мужчин. Образ персонажа впечатывается в память читателя, заставляя его думать, что все представители мужского пола обладают такими же качествами.

Корни стереотипов маскулинности восходят к древним английским балладам, где мужчина изображался в образе доблестного рыцаря, благородного вельможи или справедливого правителя. Наши исследования показали, что, как правило, нейтральных эпитетов и иных средств выразительности нет: есть либо положительная, либо отрицательная коннотация того или иного слова. Например, хорошие черты персонажа выражаются через такие прилагательные как «goodly», «good», «fine», «sweet», «bonny (bonnie)», «nice». Храбрость описывается словами «brave» и «noble». Для описания внешних данных используются прилагательные «sweet», «bonny», «fine», «fair» и т.д. Королевская чета определяется эпитетами *powerful* и *great*, постоянными спутниками - эпитетами к слову «knight» являются «noble», «brave» и «bold». Базис негативных эпитетов английских сказок формируют антонимы к слову «good», такие как «cruel», «bad», «ill-tempered», «spiteful», «wicked», «unkind».

Стоит отметить, что в художественной литературе образ мужчины неоднозначен: в начале произведения главный герой показан как персонаж с

больше отрицательными сторонами характера, а ближе к середине повествования раскрываются его истинные черты. При анализе произведений было выявлено, что наиболее употребляемыми прилагательными, характеризующими главных героев, являлись «dangerous», «strong», «dashing», «proud», «disagreeable». Можно сделать вывод, что мужчина воспринимался в первую очередь как некий образ силы, неукротимости и власти (именно над женщинами).

Современная же литература более плюралистична. Данная инерция образности имеет множество причин. Одна из них – сохранение ментальности большей части населения стран. В настоящее время, основываясь на различных публикациях как в научной, так и художественной литературе, были выявлены такие трансформации мужских образов, как техносексуал, ретросексуал и уберсексуал.

2. Гендерные стереотипы в силу своей устойчивости в глобальном сознании часто применяются в политике с целью манипулирования общественным мнением. С помощью лексических средств с компонентом оценки, строящемся на том или ином гендерном стереотипе, появляется не только позитивный, но и негативный имидж представителя той или иной страны, осуществляется действенный контроль над политическим настроением в социуме.

Стереотипы мужского и женского поведения на политической арене разнятся. По словам специалистов женщины зачастую выдвигают законодательную инициативу, близкую по содержанию самим женщинам, касаясь семьи, благополучия и детей. Мужчинам свойственны темы процентных ставок, акцизов, НАТО, технологий и т.д. Мужчины строят политические диалоги в рамках «нападение-оборона», женщины, напротив, придерживаются концепции «диалог-сотрудничество». В речи мужчин преобладает логика и аргументация, огромное количество технических и экономических терминов, однако недостает слов, выражающих чувства.

Необходимо выделить тот факт, что хоть женщины-политики и считаются мастерами использования метафор и эпитетов в своей речи, на политической арене встречаются представители противоположного пола, чья речь также переполнена этими и другими средствами выразительности. К примеру, президент США Дональд Трамп считается мастером классической риторики и постоянно использует экспрессивные лексические средства. Самым распространенным эпитетом в его речи является английское прилагательное «smart». Кроме того, в речи Дональда Трампа постоянно присутствует прилагательное «best» (лучший) и синонимичные ему выражения «smartest», «brilliant» и т.д. Также одним из часто употребляемых лексических приемов Дональда Трампа является гипербола. Он активно использует гиперболу, когда говорится о строительстве стены между США и Мексикой, глобальном потеплении или о терроризме.

Зачастую в речи политиков-мужчин, впрочем, как и в повседневной мужской речи прослеживается безразличие к грамматике. Однако у одних политиков данная тенденция расценивается как пренебрежение правилами, а у других как обращение к слушателю как к хорошему другу.

Больше всего в политике ценится образ лидера, который и закрепляется речевыми особенностями «мужского» монолога. Поэтому, чтобы выделить сильную сторону политического имиджа, используется лексика, выражающая логику, силу и твердость.

Стоит обратить внимание на то, что в политике с целью выставить в невыгодном свете свойственно приписывать женские черты характера мужчинам при помощи различных средств выразительности, чтобы обличить слабость, неумение справиться с проблемой и нерешительность.

Зачастую в политической речи присутствует такой сатирический прием как ирония, присущий мужчинам-политикам. Он заключается в заведомом усилении или же ослаблении свойств, признаков, характеристик, явлений, которые выражают абсурдность фактов. Хотя очень редко данный прием используют и женщины.

Для придания своей речи юмора политики прибегают к такому приему создания слов как окказионализмы. Они содержат в себе достаточный уровень экспрессивности, чтобы заинтересовать слушателя, хотя реципиент не всегда понимает, что именно имеет в виду автор.

3. На данный момент в современной гендерологии фигурирование женских номинаций в СМИ преобладает над мужскими. Однако коннотация, которая присутствует в данных лексических единицах, выражена отчетливо.

Одними из самых популярных гендерных номинаций, которые наиболее четко отражают маскулинность, объединены в данные тематические группы: Don Juan; Mr President; Macho; Metrosexual; Retrosexual; Technosexual; Kidalt; el héroe; Emoman. Каждая из данных групп включает в себя целый ряд базовых характеристик, таких как физиология (внешность, возраст, сила), личностные качества (оценка характера, темперамента, поведения, морали), социокультурные особенности (оценка в языке и речи с учетом социальных и культурных факторов), а также отношение к представительницам женского пола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С древнейших времен мужчина воспринимался как завоеватель и охотник. Данный статус значительно превосходил женский и господствовал на протяжении многих столетий. Лишь к XX веку женщины получили достаточно прав, чтобы стать равными мужчинам. К моменту господства в мире феминизма появилось такое направление в лингвистике как «гендерная лингвистика», а после ученые начали использовать термины «маскулинность» и «фемининность». К XXI веку было проведено довольно много исследований, посвященных как роли мужчины, так и роли женщины в языке. Выделялись различные подходы, стереотипы и теории социализации индивида. В семантике гендерных номинаций маскулинности было выявлено доминирование личностных характеристик, а именно, оценка характера и поведения.

Нами был проведен ряд исследований, как при помощи лексических и синтаксических средств может выражаться социальная роль мужчины в политической сфере, какие средства выразительности отражают эту роль в художественной литературе, а также как прослеживается связь маскулинности с социумом через сеть Интернет, иностранные журналы и иные СМИ.

По словам Отто Есперсена, женщины больше предпочитают эллипсы (намеренный пропуск слов) и паратаксис, а мужчины чаще употребляют периоды и гипотаксис. Ученый, основываясь на данном предположении, делает выводы, что мужчины умственно превосходят женщин, однако эта теория была опровергнута лингвистами через полвека.

В. Лабов установил, что мужчины менее склонны к использованию престижных разновидностей произношения. Эта склонность отдаляет мужчин от речевого стиля среднего класса и сближает с стилем общения в рабочих кругах.

Во время анализа одушевленных и неодушевленных существительных в английском языке выяснилось, что, несмотря на отсутствие гендерных маркеров, неодушевлённым и абстрактным существительным приписываются референтные признаки, трактуемые как «маскулинные» и «фемининные». Например, названия красивых и грациозных животных соотносятся с женским родом, а названия сильных и агрессивных - с мужским. Приписывание женского рода может осуществляться на основании отрицательных качеств (слабость и хитрость), а приписывание мужского рода может быть позитивным (сила и масштаб) и негативным, при репрезентации предмета как чего-то огромного и неприятного.

При исследовании литературы мы наткнулись на одну особенность авторов раскрывать героев-мужчин ближе к середине произведения. В начале, создается впечатление о персонаже как о грубом, неотесанном мужлане, а вскоре раскрывается его истинный образ чуткого, любящего и благородного человека. Облик главного героя, представленного мужчиной, раскрыт посредством таких прилагательных как «dangerous», «strong», «dashing», «proud», «disagreeable».

В настоящее же время в современной литературе царят три образа истинного мужчины: техносексуал, ретросексуал и уберсексуал. Помимо этого, многие англо- и испаноговорящие издатели в своих журналах преподносят читателю следующие тематические группы: Don Juan; Mr President; Macho; Metrosexual; Retrosexual; Technosexual; Kidalt; el héroe; Emoman.

На политической арене мужчина как занимал, так и продолжает сосредотачивать власть в своих руках, не смотря на существование некоторых женщин-политиков. Данный факт отражается и в речи государственных деятелей. Мужская речь воспринимается народом с большим энтузиазмом, нежели речь женщины, в которой по воле стереотипа доминируют темы «дом», «семья», «здоровье». Мужчинам свойственны темы процентных ставок, акцизов, НАТО, технологий и т.д. Мужчины строят

политические диалоги в рамках «нападение-оборона», женщины, напротив, придерживаются концепции «диалог-сотрудничество». Мужчины ловко используют различные выразительные средства и приемы, такие как метафоры, эпитеты, гиперболу, окказионализмы и т.д. В данной работе представлены примеры из речи Дональда Трампа, Джорджа Буша и материалы испаноязычных СМИ в области политики.

Феминистское движение предоставило возможность представителям сильного пола преодолеть обреченность на следование идеалу, который личность не в силах реализовать. Хотя огромное количество мужчин продолжают следовать стереотипу, можно сказать, мифу о «настоящем мужчине». Данный образ мужественности не должен раскрыть суть поведения или создать новую установку. Он не должен показать, как женщины и мужчины отличаются или похожи друг на друга. Он должен указать на то, как важно оставаться не только личностью, но и индивидуальностью.

Список использованной литературы

1. Андреева, О.С. Средневековье: Культ прекрасной дамы / О.С. Андреева. – М.: Наука и жизнь, 2005. – 206 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 320 с.
3. Боровкова, И.В. Плюрализм образов маскулинности в культуре XXI века / Теория и практика общественного развития // И.В. Боровкова. – Санкт-Петербург: Наука и жизнь, 2012. – 283 с.
4. Бронте, Ш. Джейн Эйр / Ш. Бронте. – М.: Лабиринт, 2016. – 386 с.
5. Бронте, Э. Грозовой перевал / Э. Бронте – М.: Мартин, 2015. – 345 с.
6. Будько, Д.В. Гендер и политика: языковые особенности женщин-политиков / Филология и искусствоведение. Башкирский Государственный Университет // Д.В. Будько. – Уфа: БГУ, 2017. – 45 с.
7. Вершинина, Д.Б. Маскулинность как политическая ценность в контексте гендерного дискурса / Политические исследования. // Д.Б. Вершинина. – М.: Полис, 2011. – 33 с.
8. Дубинин, Н.П. Философские социологические аспекты генетики человека / Н.П. Дубинин. – М.: Вопросы философии, 1971. – 78 с.
9. Егорова, О.А. Лингвокультурологический анализ эпитетов, характеризующих положительных и отрицательных героев английских сказок и англо-шотландских баллад / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. // О.А. Егорова. – М.: Наука и жизнь, 2015. – 28 с.
10. Здравомыслова, Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России / Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям. // Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина. – М.: Валдай-96, 1997. – 89 с.
11. Зуйкова, Е.М., Ерусланова Р.И. Феминология и гендерная политика / Е.М. Зуйкова, Р.И. Ерусланова. – М.: Правда, 2001. – 56 с.

12. Ильиных, С.А. Гендерная проблематика и управление как предмет исследования / С.А. Ильиных. – М.: Социологический альманах, 2012. – 230 с.
13. Ильиных, С.А. Множественная маскулинность / С.А. Ильиных. – М.: Социологический альманах, 2012. – 204 с.
14. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик. – Воронеж: ВГУ, 2001. – 367 с.
15. Качан, Ю.М. Быт и история в античности / Ю.М. Качан. – М.: Наука, 1988. – 413 с.
16. Кёстнер, Э. Тиль Уленшпигель / Э. Кёстнер. – М.: Мелик-Пашаев, 2002. – 56 с.
17. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М.: Наука – 1999. – 155. – 12 с.
18. Кирилина, А.В. Лингвистические гендерные исследования / А.В. Кирилина. – М.: Отечественные записки. – 2005. – 132 с.
19. Коннел, Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика / Р. Коннел. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 34 с.
20. Корецкая, О.В. Лингвостилистические особенности политической риторики Дональда Трампа. Преподаватель XXI век / О.В. Корецкая. – М.: Роспечать, 2017. – 98 с.
21. Лакер, Т. «Making Sex: Тело и гендер от Древней Греции до Фрейда» / Т. Лакер. – М.: Слово, 2003. – 340 с.
22. Митчел, М. Унесенные ветром / М. Митчел. – М.: Правда, 1991. – 418 с.
23. Нурсеитова, Х.Х. Введение в гендерную лингвистику / Х.Х. Нурсеитова. – Павлодар: ПГУ, 2008. – 86 с.
24. Остен, Д. Гордость и предубеждение / Д. Остен. – М.: Азбука, 2015. – 386 с.
25. Остин, Дж.Л. Слово как действие. – В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII / Дж.Л. Остин. – М.: Правда, 1986. – 87 с.

26. РАН. Ин-т востоковедения, Центр индийских исследований, Индийское культурное общество. Индийская жена: исследования, эссе / РАН. Ин-т востоковедения, Центр индийских исследований, Индийское культурное общество. – М.: Восточная литература, 1996. – 294 с.
27. Сервантес, М.С. Дон Кихот / М.С. Сервантес. – М.: Речь, 2018. – 396 с.
28. Сидоренко, К.В. Язык политики: средства создания юмора в политическом дискурсе / К.В. Сидоренко. – М.: Lingua mobilis, 2010. – 79 с.
29. Таннен, Д. Ты меня не понимаешь. Почему женщины и мужчины не понимают друг друга / Д. Таннен. – М.: Вече, Персей, АСТ, 1996. – 245 с.
30. Тартаковская, И.Н. «Несостоявшаяся маскулинность» как тип поведения на рынке труда / Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов: Сб. науч. ст. // И.Н. Тартаковская. – Самара: Самарский университет, 2003. – 83 с.
31. Трофимова, Е.И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях / Е.И. Трофимова. – М.: Общественные науки и современность, 2002. – 147 с.
32. Фицджеральд, Ф. С. Великий Гэтсби / Ф.С. Фицджеральд. – М.: АСТ, 2016. – 403 с.
33. Хитрук, Е.Б. «Мужчина становится»: проблема маскулинности в контексте гендерных исследований / Е.Б. Хитрук. – Томск: Вестник Томского государственного университета, 2013. – 57 с.
34. Цыбикова, С.Ц. Гендерные исследования в лингвистике / С.Ц. Цыбикова. – Улан-Удэ: Бурятский Государственный университет, 2008. – 67 с.
35. Щербакова, О.А. Оппозиция «Маскулинность - фемининность» и ее реализации в речи / О.А. Щербакова. – М.: Вестник МГЛУ. Выпуск 5 (665), 2013. – 114 с.
36. Clare, M. Famous people / M. Clare. – 2001. – № 5. – P. 342.

37. Cohen, M. *Fashioning Masculinity: National Identity and Language in the eighteenth century* / M. Cohen. – London: Routledge, 1996. – P. 345.
38. *Cosmopolitan*. – 2006. – № 2. – P. 262.
39. *Cosmopolitan*. – 2007. – № 2. – P. 302.
40. *El Correo*. – 2012. – № 6. – P. 301.
41. *El Mundo*. – 2009. – № 9. – P. 120.
42. *El Mundo*. – 2016. – № 5. – P. 120.
43. *GQ Magazine* [Текст] – 2000. – № 3. – P. 284.
44. *Jane Magazine*. – 2005. – № 6. – P. 118.
45. *Jane Magazine*. – 2005. – № 7. – P. 248.
46. Klann-Delius, G. *Sprache und Geschlecht. Eine Einführung* / G. Klann-Delius. – Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2005. – P. 56.
47. Kiesling, F. S. *Power and the language of Men* / F. S. Kiesling. – New York: Scribd & The New York Times, 1997. – P. 282 p.
48. Lakoff, R. *Language and Woman's Place* / R. Lakoff. – Cambridge: Cambridge University, 1973. – P. 146.
49. *Naked Ape*. – 1982. – № 4. – P. 264.
50. *New York Post Magazine* [Текст] – 2007. – № 2. – P. 85.
51. Puttenham, G. *The Arte of English Poesie 1589* / G. Puttenham. – Kent State: University Press, 1970. – P. 186.
52. Rodriguez, J. *La Vanguardia* [Текст] / J. Rodriguez. – 2015. – P. 56.
53. Salzman, M., Matathia, I. *The Future of men* / M. Salzman, I. Matathia. – London: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 159.
54. *The Economist* [Текст] – 2004. – № 9. – P. 62.
55. *The Economist* [Текст] – 2005. – № 2. – P. 44.
56. *The Economist* [Текст] – 2005. – № 4. – P. 41.
57. *The Economist* [Текст] – 2008. – № 2. – P. 36.
58. Trump, D. *The Art of the Deal* [Текст] / D. Trump. – New York: Random House, 1987. – P. 372.
58. *Vogue*. – 2007. – № 7. – P. 251

Электронные ресурсы

59. Кузовова, В.В. Мужские гендерные номинации в СМИ. [Электронный ресурс] / В.В. Кузова. – Режим доступа: www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/knp/138/ – (Дата обращения: 09.11.2017).
60. Cliffnotes [Текст] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.cliffsnotes.com/literature/w/wuthering-heights/character-analysis/heathcliff> – (Дата обращения: 09.11.2017).
61. Mario Kart and Masculinity: Doing Gender in an All-Male Setting. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.scribd.com/document/42537432/Language-and-Gender-Mario-Kart-and-Masculinity-Doing-Gender-in-an-All-Male-Setting> – (Дата обращения: 12.11.2017).
62. Shmoop [Текст] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.shmoop.com/jane-eyre/mr-rochester.html> – (Дата обращения: 23.02.2018).
63. Sparknotes [Текст] [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.sparknotes.com/lit/gonewith/characters/> – (Дата обращения: 23.02.2018).